

№4

Апрель 2020

ТАТТАРСКИЙ КЛУБ

Стр. 14

МИРЗА ШАФИ

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4⁽¹⁷⁴⁾
Апрель 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ОТ КАВКАЗА ДО БЕРЛИНА
ВАСИЛИЙ БОНДАРЕНКО
- 13 ПАОЛА УРУШАДZE
- 14 МИРЗА ШАФИ
АЛИНА ТАЛЫБОВА
- 20 СТАРЫЙ ТИФЛИС
ВАЛЕРИАН МАРКАРОВ
- 30 «ТО, ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ, СТАНОВИТСЯ ТВОИМ МИРОМ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 34 «ЖИГУЛЯМ» 50 ЛЕТ
ЛЕВАН ДОЛИДZE
- 40 ЮБИЛЕЙ
- 41 НОВЕЛЛЫ
АНАИДА ГАЛУСТЯН

На обложке – В ТБИЛИСИ ЧП
Фото: Александр СВАТИКОВ

а а

от до

Роб АВАДЯЕВ

ЮБИЛЕЙ ТИЦИАНА ТАБИДЗЕ

Грузия всегда славилась своими поэтами, музыкантами, художниками. Они были любимы народом, ими по праву гордились, увенчивая при жизни славой и окружая почтением. А если не удавалось при жизни, то воздавали должное их величию в последующие времена. Еще со времен Шота Руставели грузинская поэтическая традиция всегда была на высоком творческом уровне и мастерство стихосложения поэтов постоянно развивалось из века в век. Но в начале двадцатого, вслед за гениальными Акакием Церетели и Ильей Чавчавадзе, давших грузинской поэзии мощный импульс, произошел закономерный творческий скачок – десятки талантливых грузинских стихотворцев начали создавать замечательные циклы произведений в самых разных стилях. Незабываемы имена Георгия Леонидзе, Галактиона Табидзе и его двоюродного брата Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Теренти Гранели, Ираклия Абашидзе и многих, многих других! Один из самых интересных и блестящих поэтов первой половины XX века Тициан Табидзе прожил недолгую и трагическую жизнь. Он ро-

дился 125 лет назад 2 апреля 1895 года в семье сельского священника и учился в Кутаисской гимназии вместе с Владимиром Маяковским. Стихи стал писать рано, еще в юности, попутно осуществляя переводы с французского языка. Окончил филфак Московского университета в 1917 году. Но перед этим стал одним из основателей грузинской символистской группы «Голубые роги» и редактировал журнал этой группы «Баррикады». Был ярким деятелем грузинского поэтического общества, общался со многими русскими поэтами. Его называли своим другом Есенин с Маяковским и многие деятели советской литературы, посещавшие благословенный край Грузии. Но особенная близость роднила Тициана с Борисом Пастернаком. По-родственному дружили и их семьи. Тициан писал свои стихи не ведая, что над его головой и над другими творцами нависли страшные тучи Большого террора. Был затравлен блестящий Паоло Яшвили, покончивший с собой. Тициана вызвали сами знаете куда и приказали написать, что покойный Паоло был шпионом, но благородный поэт отказался, был арестован и расстрелян в декабре 1937 года. Спустя годы Тициана Табидзе реабилитировали, но кому от этого легче. Борис не отказался от друга и всегда поддерживал его осиротевшую семью.

ПОГОДА В ДЕНЬ СМЕХА

В апреле 1875 знаменитая и респектабельная английская «Таймс» стала первой в мире газетой, опубликовавшей недельный прогноз погоды. Читатели были заинтригованы и с большим энтузиазмом обсуждали новинку главной газеты Великобритании. Дело касалось не только погоды туманного Лондона, но и суровой Шотландии, зеленой Ирландии и даже жаркой Индии, погодные новости которой доставлялись новомодным телеграфом. Но синоптики и тогда не были точны – их прогнозы редко сбывались. А особо ехидные джентльмены обратили внимание на то, что первый прогноз погоды появился в символический день – 1 апреля.

ГОД БЕЗ ЛЕТА

5 апреля 1815 года началось извержение вулкана Тамбора на острове Сумбава в Индонезии, продолжавшееся неделю. Оно стало одним из крупнейших извержений вулканов за всю историю человечества. Погибло 92000 человек. Но самое страшное – вулканическая пыль сделала менее прозрачной атмосферу Земли. Солнечный свет плохо проходил сквозь нее, и во всех уголках планеты случился страшный неурожай. Наступил год без лета, а последовавший за ним голод немедленно отразился на человеческом обществе, положив начало ряду революций, экономических кризисов и социальных потрясений. Уставшая после наполеоновских войн Европа реагировала более вяло, а юные страны Латинской Америки и Азии захлестнули волны восстаний и голодных бунтов.

БЕСХОЗНАЯ КОРОНА

3 апреля 1975 года советский гроссмейстер Анатолий Карпов был назван чемпионом мира из-за отказа американского шахматного короля Бобби Фишера защищать свое звание. Этого матча любители шахмат ожидали несколько долгих лет, потому что американский шахматный гений отличался эксцентричностью, и от него ожидали очередных малопонятных выходок – он мог потребовать особое кресло, сок из апельсинов определенного сорта, освещение на сцене в заданное число люксов или чтобы в зале никто не смел ни кашлять,

ни шаркать ногами. Он вечно имел финансовые претензии к организаторам, и было совершенно понятно, что если даже матч между талантливым претендентом Карповым и Бобби Фишером состоится, то дело добром не закончится. В итоге Фишер просто отказался играть, а точнее, просто проигнорировал матч за шахматную корону. Карпов сделал ход пешкой в пустом зале, судьи остановили часы и объявили его новым чемпионом мира. Вся шахматная общественность была разочарована. Но советские болельщики были очень довольны, а главный почитатель таланта Анатолия Карпова – Леонид Ильич Брежнев – произнес сакраментальное: «Взял корону, так держи!»

КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ

Девятого апреля 1970 года Пол Маккартни заявил, что больше не будет сотрудничать с Джоном Ленноном, тем самым положив конец существованию легендарного ансамбля «Битлз» как группы. На самом деле, это заявление стало финальным аккордом в череде печальных событий, когда старинные друзья, сказавшие важнейшее слово в истории музыки XX века, сначала понемногу отдалялись друг от друга, пока не поняли, что отныне стали совсем чужими. Первым был Джон – он еще за полгода, осенью 1969 сказал, что уходит: «Сам эту группу создал, мне ее и распустить!» Но его уговорили остаться, пока не выйдет диск «Let it be». Но последним поставил точку все-таки Пол. И не важно, кто или что подтолкнуло к расколу друзей – жена Леннона Йоко Оно, смерть их бессменного продюсера Брайана Эпштейна, творческий кризис некоторых участников или финансовые споры. Главное не это. Ливерпульские друзья детства не смогли существовать в новых реалиях, когда превратились в идиологов толпы, не выдержали испытания «медными трубами». И никому из них не хватило сердца и решимости, чтобы просто сесть и поговорить. Вот их вечные друзья-соперники Роллинги как-то сумели преодолеть все трудности и творят вместе до сих пор, спустя полвека.

ПЕСЕНКА «ЛУННЫЙ СВЕТ» – ПЕРВАЯ ЗВУКОЗАПИСЬ

9 апреля 1860 года французский изобретатель Эдуард-Леон Скотт де Мартенвиль сделал первую звукозапись, которая хранится в парижском архиве. Изобретение представляло собой скрученный из фольги рупор, соединенный с иглой, которая выцарапывала звуковые колебания на вращающемся запечатанном стеклянном цилиндре. На самом деле Мартенвиль запатентовал его еще за три года до этого. Но сама эта историческая запись была сделана уже не иглой, а карандашом на бумажном валике. Воспроизводить звук это устройство, само собой, не могло. Прошло больше 150 лет прежде чем современные французские ученые, скачав изображение с бумажного валика, напомиравшее кардиограмму, в компьютер, сумели воспроизвести эти звуки. Это оказалась популярная в те времена песенка «Лунный свет», напетая самим изобретателем. А вся запись длилась 11 секунд. Получается, что Эдуард-Леон Скотт де Мартенвиль и является тем, кто создал первый на свете фонограф, а вовсе не Эдисон, на 17 лет позже. Знаменитого американского изобретателя, кстати, упрекали в плагиате. Но он пренебрежительно отмахивался: мало ли кто сумеет сделать запись звука, главное – воспроизвести!

ХЬЮСТОН, У НАС ПРОБЛЕМЫ!

Пятьдесят лет назад 11 апреля 1970 года был запущен на Луну американский космический корабль «Аполлон-13» с тремя космонавтами на борту в составе: Джеймс Ловелл – командир корабля, Джон Суайгерт и Фред Хейз. Никому из суеверия не нравился номер этой лунной миссии. А тут еще они стартовали в 13 часов дня и, разумеется, в 13 минут по центрально-американскому времени. При старте в них попала молния, но вроде ничего не испортила. Но через три дня, уже на пути к Луне, раздалось сообщение командира Ловелла: «Хьюстон, у нас проблемы!» На Аполлоне взорвался топливный бак, что привело к выходу из строя двигателя. Разумеется, о посадке на

Луну пришлось забыть, нужно было спасти экипаж. Космонавты вынуждены были перейти в лунный модуль, где провели при температуре +2 мучительные трое суток, периодически задыхаясь от накопившейся углекислоты. Корабль облетел Луну и направился к Земле. Посадка предстояла невероятно сложной, практически гибельной, но экипаж и наземные службы работали выше всяких похвал. Они не пролетели мимо родной Земли и сумели вручную осуществить посадку. Астронавты перед самым входом в атмосферу вновь перешли в еле живой корабль и благополучно приземлились. Но никто из них больше в космос не летал.

Освобождение Севастополя

ОТ КАВКАЗА ДО БЕРЛИНА

Василий БОНДАРЕНКО

Бондаренко Василий Кондратьевич родился в г. Тбилиси 24 августа 1906 года в семье выходцев с Северного Кавказа. Отец – Кондрат Ефимович из русских казаков. Мать – Софья Ивановна (Иоанновна) из старинного, но обедневшего рода польских дворян. В семье было четверо детей.

Василий Кондратьевич после окончания гимназии в 1924 году поступил и в 1930 году окончил механический факультет Грузинского политехнического института. Работал на вагоноремонтном заводе, где встретил свою будущую супругу Валентину Исаевну Антонову.

Василий Кондратьевич работал в тресте «Чай-Грузия», затем в Грузпищепроекте, с его участием были спроектированы и построены многие объекты пищевой промышленности в Грузии. Офицер запаса В.К. Бондаренко – участник Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Был ранен. Имеет награды. После войны помогал восстанавливать разрушенное хозяйство Германии, вернулся в Тбилиси в 1946 году.

Василий Кондратьевич Бондаренко работал в лесной и деревообрабатывающей промышленности. Возглавлял отдел в специальном конструкторском бюро по проектированию мебели.

После непродолжительной болезни Бондаренко В.К. скончался 21 января 1990 года.

Сын, Бондаренко Вольфрам Васильевич, – научный сотрудник ТНИИС ГЭИ института гидроэнергетики. Принимал самое непосредственное участие в разработке и строительстве Ингури ГЭС.

Дочь, Гелашвили Тамара Васильевна, – художник-прикладник, преподаватель Грузинского государственного Технического университета, автор пяти персональных выставок.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Воспоминания «От Кавказа до Берлина» офицера запаса Василия Кондратьевича БОНДАРЕНКО представляют определенный интерес. Сегодня с ним поспорить нельзя, он умер. Но его мысли и рассуждения о военной поре, оставленные в двух небольших тетрадях, думается, не оставят читателя равнодушным.

Непосредственное участие Василия Кондратьевича в обеспечении боевых действий началось на второй месяц войны, а через немногим более 200 дней после ее начала он из Новороссийска доставлял авиационные грузы в Крым, где шли кровопролитные бои.

Но это было только начало.

5 апреля 1942 г. Гитлер подписал директиву N41, получившая название «Эдельвейс», в которой главной целью летнего наступления ставилось уничтожение Красной армии западнее Дона, чтобы захватить нефтяные регионы на Кавказе и перейти Кавказский хребет. Для захвата Кавказа немцы бросили крупную группировку, по своему составу она превосходила Красную армию в личном составе – в 1,5 раза, по артиллерийским орудиям и мино-

Механики и летчики. Станица Вышестеблиевская. Тамань. Весна 1944 г.

метам – 2,1, по танкам – в 9,3, по самолетам в 7,7 раза.

В. Бондаренко был участником военных неудач и побед нашей армии.

Это было жестокое время. Нехватка чувствовалась во всем: в одежде и обуви, в продовольствии. Во всем том что необходимо каждому человеку. Автор воспоминаний с горечью или болью раскрывает нам обычные будни простых воинов, тех скромных тружеников, которые добывали победу.

Автор воспоминаний сумел показать и жизнь тогдашнего тыла: простых людей, которые отдавали последнее, лишь бы изгнать ненавистного врага.

На фронте и в тылу жили люди ради дела, ради победы, веря в нее, поэтому и добились своего.

Враг вынужден был отступить под силой такого единства и мужества. Вместе с наступающими войсками шел по дорогам войны и В. Бондаренко. Он дошел до Берлина и на рейхстаге оставил свой скромный автограф.

Автор воспоминаний не претендует на исчерпывающий охват событий, он как бы с высоты минувших лет с позиций оптимиста правдиво, без прикрас, порой с

юмором, рассказывает о фронтовой жизни рядового и младшего офицерского состава, рассказывает так, как она ему виделась. С ее положительными и отрицательными сторонами, ее каверзами и житейскими перипетиями.

Человеческая память способна забывать некоторые прошедшие факты, поэтому не удивительно, что военные историки могут заметить некоторые исторические неточности. Но ведь и писались воспоминания через 35 лет после окончания войны.

Воспоминания написаны от души, лаконично и вместе с тем емко, по-армейски четко.

Автор не оставил пометки, для кого он написал эти воспоминания.

Дочь В. Бондаренко нашла их через несколько лет после смерти отца? Думается, что воспоминания В. Бондаренко – это не только семейная ценность, но и достояние народа, ибо значение и сила воспоминаний в том, что они воспитывают в людях патриотизм, учат смелости и мужеству, стойкости и отваге, верности боевому товариществу.

Полковник
Геннадий ДОЛГАЧЕВ

ВОСПОМИНАНИЯ

21 июня 1941 года. Моему сыну Рамику седьмой год, он еще не в школе. Детские годы, игры, увлечения. В те годы верхом мечтаний всех мальчишек был «драндулет» – деревяшка с двумя шарикоподшипниками и рулем. Завтра, в воскресенье, мы с Рамиком пойдем на Сабурталинский базар и купим шарикоподшипники для «драндулета».

Солнечное утро 22 июня 1941 года. 22 июня – число знаменательное. Самый длинный световой день! С утра с Рамиком едем на базар. Ох и трудно было в ту пору с транспортом в Тбилиси! Трамваи, автобусы, троллейбусы переполнены. Давки, бесконечные пересадки, жара, духота! Часов в 12-13 возвращаемся с покупками с базара. На центральной площади (тогда она называлась пл. Берия) встречаю товарища. Первая фраза вопрос после приветствия: «Знаешь, война началась. Германия напала на СССР!» Домой вернулись в подавленном настроении.

Мобилизация идет полным ходом. Я сижу и жду. Буквально месяц тому назад военкомат

Москвичи слушают объявление войны

изъял у меня мобилизационный листок, по которому я должен был явиться не позднее чем на второй день после объявления войны во второй отдельный батальон связи, к которому приписан.

С фронтов поступают нерадостные вести. Отступаем по всем направлениям. Мое положение неопределенное. Лейтенант, командир взвода, связист. С точки зрения патриота должен быть на войне, а с другой стороны не имею мобилизационного предписания, должны вызвать. Жду.

В пищепроекте, на патриотических началах, организован всеобуч мужского персонала. Я как офицер обучаю их азам строевой и боевой подготовки. 7 июля рано утром слушал по радио выступление Сталина. Больно было слушать его дрожащий голос.

«Братья и сестры, — были первые слова Сталина, а не товарищи, как он обычно начинал свою речь. — Величайшая угроза нависла над нами...»

Наконец, почти месяц спустя после начала войны, получил повестку из военкомата. Ильницкий и Мошкара, офицеры из 7-го авиасклада, побеседовали со мной. Для их формируемого подразделения я подошел и по военной, и по гражданской спе-

циальностям. 7-ой склад — место формируемой части расположен на аэродроме, на Кахетинском шоссе. Формируется Головной авиационный склад (ГАС — 1986). Комплектуется личный состав. В числе офицерского состава ГАСа много знакомых и товарищей технических специальностей (Савостин, Гусаров и др.). Я как строевой командир был назначен начальником команды по подъемке и транспортировке аварийных самолетов. В команде 12 бойцов.

Разгар лета. Жара. Живем в палатках на бывшем аэродроме. Строевые занятия, уставы и прочая военная премудрость. В тот год лето было очень ветреное. Ветер рвал палатки, опрокидывал легкие постройки, пыль сильно слепила глаза.

На аэродроме производились учебные полеты на самолетах У-2. Наблюдали аварию одного из них. При взлете пилот рано начал разворот и крылом зацепился за землю. Мгновение и самолет вспыхнул. Пилот и инструктор успели выскочить из кабины. Мы кинулись к потерпевшим. Пока добежали на расстоянии 100-150 метров, самолет из фанеры и перкали был полностью охвачен пламенем. Нам оставалось только наблюдать, как пламя за какие-то считанные минуты сожгло самолет.

Сентябрь. Сидим на месте. Война где-то грохочет и неумолимо приближается к нам. Немец в Крыму и у Ростова. Учимся. Стало прохладно. Дожди. В палатках мало приятного. Командование решило перебазироваться в Сoganлуг, в пустые помещения бывшего строительного управления «Водостроя».

В октябре вместе с людьми моей команды был прикомандирован в мастерские по ремонту самолетов для практики и учебы. Бойцы помогали ремонтировать самолеты, я же присматривал за ними, заодно изучал самолеты и по книгам, и на практике. В основном это были истребители «И-16» и «Чайки», разведчики «Р-5». Тогда мне казалось, что это самые современные самолеты. Скорость порядка 350-400 км/ч. Конечно, по сравнению с «У-2», у которого скорость полета 160-180 км/ч, это были скоростные самолеты, но каково было мое разочарование, когда на фронте в Крыму я наблюдал, как немецкие «Мессершмитты» в воздушных боях с легкостью сбивали наших «И-16» и «Чаяк». Скорость у «мессеров» 600-650 км/ч.

В мастерских мы работали до декабря 1941 года. В конце декабря погрузились в эшелон и выехали на фронт. Провожать приехали Валя с Рамиком. Расставание было без слез и причитаний.

Новороссийск. Холод, снег, норд-ост. Живем в школе на Стандарте, это пригород Новороссийска. Еще в сентябре наши оставили Керчь. Сопrotивлялся только Севастополь. Обеспечение и связь с осажденным Севастополем только по морю. Новороссийск — основная база снабжения и стоянка флота, эвакуированного из Одессы и частично из Севастополя.

Начали работать как Головной авиасклад. Ежедневно принимали по железной дороге авиаимущество, боеприпасы и переправляли по морю в Севастополь.

Февраль 1942 года, первый налет на Новороссийск немецких самолетов. Сброшено несколько бомб, повреждения незначительные, один из самолетов так низко пролетел, что

можно было различить черные кресты на крыльях. Зенитки грохотали вовсю, но безуспешно.

В конце февраля я был командирован в Краснодар. Задача: переправлять авиагрузы в Новороссийск. Жил на частной квартире, в хорошей семье. В Краснодаре пробыл недолго. Опять Новороссийск. Ходим разгружать вагоны и грузить пароходы. Был командирован в станицу Крымскую для доставки лесоматериала, подкладок под авиабомбы. Выехал на «полуторке». В Крымской лесоматериала не оказалось. Жители по советовали пойти в Липки. Не доходя до Липок, набрел на сложенный из кирпича мемориал в виде пирамиды с мраморной доской. На доске выгравирована надпись: «Такого-то дня 185... года многочисленные отряды черкесов напали на передовой кордон Липки. Немногочисленный гарнизон сопротивлялся до последнего человека, и все погибли». Перечислены фамилии и имена погибших. Постоял я возле этого памятника и подумал: «Вот так надо защищаться и так надо отмечать память защитников этого неприметного кордона!»

Налеты немецкой авиации на Новороссийск учащаются. К бомбежкам постепенно привыкаем. Объект бомбардировок в основном порт, где стоят военные корабли, но из-за нервозности немецких летчиков при подлете к городу и мощному зенитному огню достается и городу. Особенно немцы охотятся за линкорами «Красный Кавказ» и «Парижская Коммуна». Но на линкорах мощная зенитная защита. Любо смотреть, какой каскад огня открывают они при налетах!

Получили предписание отправиться в Крым, в Керчь, где работает филиал нашего ГАСа. Перегоняю три машины бензозаправщика. Отправиться должен сухопутно через Тамань, а через пролив – по льду. Зима 1941 года была суровая, и пролив был скован льдом.

В середине дня отбыли в Керчь. К вечеру добрались до Анапы. Дальше наш путь пролегал вдоль побережья Черного моря по проселочным дорогам.

Доехали до лимана Кизилбашского и здесь встретили целый караван автомашин, следующих своим ходом в Керчь в надежде попасть туда по льду пролива. Машины были разбросаны по полю, так как дороги раскисли, и каждый водитель, выбирая где потверже, застревал. Опросив нескольких командиров, убедился, что пролив из-за потепления вскрылся и переправы нет. Вернулись в Новороссийск.

В начале марта меня снова командируют в Крым. На этот раз по морю. Со мной ехал техник, лейтенант Васин. Разгар погрузки. Грузится все: оружие, боеприпасы, продовольствие, военное снаряжение. В Керчь будет отправлен караван кораблей под охраной миноносцев и катеров-охотников. Начало темнеть, наш корабль двинулся к выходу, а мы завалились спать.

Человек вообще привыка-

ко вдали зарево огня. Как потом выяснилось, нас обнаружили немецкие самолеты-торпедоносцы. Их жертвой стал танкер с бензином, который и горел. Постояли мы так минут 30-40 и двинулись дальше. Сон опять одолел меня. Проснулся от грохота артиллерийской стрельбы. На горизонте земля, красноватого цвета горы. Это Крым. Мы идем на сближение с берегом. На караван налетели немецкие самолеты. У нас четыре 38-мм пушки, две на корме, две на носу. Артиллеристы, военные моряки усиленно стреляют. Интересно артиллеристы стреляют: не прицеливаясь, только направляют ствол в нужном направлении. Но и немцы тоже хороши, сбрасывают бомбы, а они ложатся то справа, то слева по борту. Отбомбились и улетели на запад. Потом мне часто приходилось видеть пароходы с самолетов,

На передовой

ет к ритмичному шуму, а вот отсутствие его – будит. Так на железной дороге: поезд движется – человек спит, стоит поезду остановиться – просыпается. Так было и со мной на пароходе. Проснулся – машины не работали. Стоим. Решил подняться на палубу. С трудом вышел наверх: все проходы, пол были забиты спящими солдатами. Корабль стоит, покачиваясь на крупной волне. Тьма крошечная. Толь-

примерно с высоты 1300-1500м. Это тонкая черточка. Поди пади в эту черточку, да еще под зенитным обстрелом!

Мы стоим на рейде Камыш-Буруна. Это глубоководный порт в 15 км южнее Керчи. В Керчи глубоко сидящие корабли не могли швартоваться. Все причалы заняты, идет разгрузка прибывших кораблей. Немцы все время бомбят порт, но там мощная зенитная защита. Иногда

Наведение переправы

они опять принимаются бомбить нас. Только во второй половине дня мы пристали к причалу. Ох и картина представилась на берегу! Горы выгруженных грузов. А немцы летят и летят, грохот от взрывов бомб и зенитной канонады заглушает крики людей. Все люди и грузы покрыты слоем муки. Бомба угодила в мешки с мукой и припудрила всех и вся. Спешка и горячка. Опасность, с какой приходится работать, затмевает рассудок.

Сойдя с корабля, быстро покинули территорию порта и на машине филиала ГАСа, приехавшей за боеприпасами, выехали в Керчь. Личный состав филиала размещался в центре города, а склады – за городом, в бывших овощехранилищах.

Основной аэродром, с которого летали наши самолеты, был в Багерово. Это 7-8 км от Керчи. Продовольствие мы получали из БАО (батальон аэродромного обслуживания). Мне по роду своей деятельности часто приходилось выезжать туда. По дороге в Багерово был противотанковый ров, вырытый жителями города для защиты в 1941 году. После взятия Керчи здесь немцы расстреливали евреев и советских патриотов. Сейчас он засыпан. В нем покоятся жертвы фашистских зверств.

Аэродром в Багерово был частым объектом налетов немцев. Бывало, приедешь за продуктами, а тут налет, отлеживаешься где-то в канаве.

В Керчи с наступлением сумерек начинался «концерт» – массированный налет на го-

род. Сумерки – их излюбленное время. В это время с неба все видно, тогда как с земли у зенитчиков видимость плохая. Налетающие почти что неуязвимы. «Юнкерсы» не удовлетворялись бомбежкой, снижаясь, они обстреливали город из пулеметов. Всю ночь тревожащие полеты одиночных самолетов. Летает, летает минут 20-30, наконец сбрасывает 2-3 бомбы, и вновь тишина. Через полчаса появляется новая «жужелица», как говорили наши солдаты, и так часов до трех утра.

В один из тихих мартовских дней работали над выгрузкой боеприпасов и авиаимущества на пристани в Керчи, куда подходят мелкие суда, прибывающие из Темрюка. Все было спокойно. Вдруг стоявшая тут же на пристани противовоздушная батарея из малокалиберных скорострельных пушек «Эрликос» открыла огонь без всякого сигнала воздушной атаки. Глянули на небо, о Бог мой, – прямо на нас пикирует «Юнкерс». Он, мерзавец, зашел со стороны Кавказа, прикрываясь ярким солнцем. Мы разбежались кто куда, легли на землю. Сбросив три бомбы, самолет с ревом взмыл вверх и скрылся за горой Митридат. Наши потери – двое раненых. Офицеру Вдовиченко осколок попал в живот, бойцу оторвало ногу. Вдовиченко через три дня скончался в госпитале, бойца после окончания войны встретил в Тбилиси. Ходит на костылях.

Вот такая была жизнь в Керчи. В один из дней возвращаемся после работы на базу и

находим наш дом разбомбленным. Бомба упала перед фасадом у ворот и повредила все здание. Моя постель и личные вещи были погребены под обвалившейся стеной. Живя в этом фронтовом городе, приходилось наблюдать непостижимые вещи. По утрам после зверской бомбардировки и тревожной ночи дворники старательно убирают развалины и подметают улицы. Абсурд! Ведь на завтра опять будет так. Вот что значит привычка и служебный долг! Ежедневные бомбежки не особенно много приносили повреждений. Трагедия была, когда бомба угодила в гостиницу, где был размещен батальон, только что прибывший с «Большой земли». Под грудями развалин погибло много людей. Наверное, это дело наводчиков, агентов, оставленных немцами при отступлении.

В разрушенном доме жить было нельзя, да и бомбежки, и налеты участились и ужесточились. Теперь не было покоя ни днем, ни ночью. Переселились за город, поближе к своим складам. Офицерский состав жил на частных квартирах на окраине Керчи.

Мои обязанности как начальника строевого отделения (вроде как начальник штаба нашего фи-

Василий Бондаренко. 3 ноября 1945 г.

лиала): соблюдение распорядка дня, организация охраны объектов филиала, занятия с рядовым составом, отчетность и прочее. Целый день занят – текущая работа, ночью проверка караула. Идешь... и вдруг патруль гарнизонной комендатуры. Оружие на изготовке и у тебя, и у них. Стой – пароль! Один из патрульных подходит на 3-4 шага и негромко называет пароль, обычно это название города, и требует от тебя отзыва – деталь винтовки.

В один из дневных налетов наши зенитки сбили «Юнкерс-77». Что интересно – с первого же залпа отбили хвост, и он штопором врезался в землю. Это случилось недалеко от нашего расположения. Один летчик успел выпрыгнуть на парашюте, двое же погибли. Мы с пистолетами в руках окружили парашютиста, и он сдался, не оказывая сопротивления. Подъехавшая машина забрала его. А мы подошли к разбитому самолету. Доставалось и нашим летчикам. Были свидетелями, как немецкие истребители сбили «И-16», и он упал на кладбище, прямо на ограды и памятники.

Подчинялись мы штабу 4-ой ВА (ВА – Воздушная Краснознаменная армия). Помещались они в здании табачной фабрики у подножия горы Митридат. В один из налетов бомба угодила в здание. На второй день они переселились в одну из катакомб, которых много было в окрестностях Керчи.

Новым начальником филиала был назначен Бернадский, а комиссаром – Темкин. С первых же дней начали они наводить в филиале воинский порядок. Особенно много придинок было со стороны Темкина ко мне как к начальнику строевого отделения и технику лейтенанту Васину. Причина – отсутствие на утренних политинформациях. Мои доводы – целую ночь проверял караулы и только под утро мог отдохнуть. Иной раз даже завтрак пропускал. Какие доводы приводил Васин – не знаю. Только подходит как-то раз ко мне Васин и говорит:

– Давай, Бондаренко, пристрелим Темкина к черту и махнем на передовую, ведь она рядом.

Насилу отговорил его от этой

затеи: «Ты что, с ума сошел, это тебе трибунал и расстрел». Видно, Васин все-таки еще кому-то высказал эту мысль и дошло до комиссара, только после этого Темкин стал вежливым и заботливым. Не напоминал, что мы не являемся на политинформацию.

В конце апреля 1942 года сдали филиал, вернее, имущество и временно приписанный рядовой состав другому ГАСу. Офицеры вылетели на самолете «У-2», а мне с бойцами приказали возвращаться в Новороссийск пароходом.

Собрал я своих бойцов и поехал в Камыш-Бурун. У причала стоит лишь один пароход. В порту тишина. Ни погрузки, ни разгрузки нет. Предъявил капитану командировочное удостоверение. Он говорит:

– Акватория, прилегающая к порту, заминирована немцами, как будет проведено траление мин, так и снимемся. Когда это будет, не знаю, а людей на борт во время стоянки принять не могу. Погрузите свое имущество, оставьте одного человека, а остальные будьте на берегу.

Видно, немцы уже готовились к наступлению. Сидим на берегу день, два, а на утро третьего смотрим – нет нашего парохода. Надо быть наивным человеком, чтобы спрашивать, когда отправится корабль. Зная время отправления, немцы встретят его в открытом море. Немецкими агентами был напичкан весь Керченский полуостров.

Сидеть в Камыш-Буруне не имело смысла. Порт был пуст и на горизонте ничего не видно. Комендант порта ничего вразумительного сказать не мог, единственное – посоветовал отправиться в Ени-Кале, мол, там существует ка-

терная переправа, которая и перебросит вас через пролив, а там пешим ходом доберетесь до Новороссийска. Так и сделали. Ени-Кале – рыбацкая деревушка в самой узкой части Керченского пролива. На возвышенности остатки старой крепости, построенной еще, наверное, генуэзцами, некогда контролирующими проход кораблей. Комендант переправы ошарашил нас:

– Переправа закрыта в целях не привлекать немецкие самолеты.

В. Бондаренко со своим помощником Хуцишвили. Германия. 1945

Остановились в доме рыбака. Хозяйка накормила нас жареной, только что выловленной селедкой, причем не потрошенной. Делать нечего, будем ждать, когда представится возможность переправиться на «Большую землю». Здесь больше перспектив, чем в Камыш-Буруне. На второй день иду по поселку, едет навстречу «полупортка», поравнявшись со мной, останавливается, выходит из кабины высокий человек и направляется прямо ко мне.

– Вы не из Тбилиси?

– Да, – отвечаю.

– Живете на Черноморской улице?

– Так точно. А откуда вы меня знаете?

– Я вас помню. Работал в гараже Военторга на Черноморской.

Разговорились. Сейчас он служит в Военторге Крымфронта, по заданию командующего Ивана Петрова едет в Краснодар.

– Но переправа не работает, – говорю.

– Для такого задания, какое я имею, сделают исключение.

Вместе пошли к коменданту. Комендант, выслушав военторговца, спросил:

– Если переправлю, водка будет?

– Какой может быть разговор!

– Тогда порядок!

Посыльный командующего

На отдыхе в Цхалтубо. 1938

поехал в Керчь за водкой, а комендант дал задание своим ребятам приготовить закуску. По возвращении земляка из Керчи долго сидели за столом у коменданта. Здесь же комендант дал распоряжение подчиненным готовить катер с баржей к утру. С этой оказией будем переправлены и мы.

Целый час потребовался, чтобы преодолеть эту водную преграду (4 км). Распрощавшись и поблагодарив военоторговца, пожелав доброй встречи после войны в Тбилиси, мы остались, а он торопился, извинялся, что не может всех нас забрать на своей машине. Высадившись на берег, бойцы несказанно были рады, а один даже лег и стал целовать землю, так осточертела эта Керчь!

Коса-Чушка – песчаная отмель, отделяющая пролив от Таманского залива. Шириной от 100 до 300 метров и длиной 10-12 км. Отойдя метров на 200 от причала, я дал бойцам отдохнуть, освежиться в море (купаться нельзя было – холодно). Солдаты достали свои сухие пайки и подкрепились, а шофер Ашихин на радостях слопал весь свой недельный запас.

– Здесь, на Кубани, с голоду не помрем, – сказал он.

Сидя на песке, я задавался вопросом, как будем добираться до Новороссийска? Но бойцы так были воодушевлены тем, что, наконец, они на «Большей земле», что изъявили желание шагать пешком до самого Новороссийска. Передохнули и двинулись в путь. Удача и на этот раз нам улыбнулась. Не прошли и километра, догоняет нас «полупорка». Пустая. Возила тару и продукты рыбакам, промышленным на самой оконечности Чушки. Шофер согласился довезти нас до хутора Ильича, расположенного у начала косы, основной базы рыболовецкого колхоза.

Хутор Ильича – это 5-6 домов. Жители – рыбаки и их семьи. Было часов 12, и мы решили двинуться дальше, до станции Запорожской. Это примерно в 6-8 км от хутора. На подходе к станции появился немецкий бомбардировщик «Юнкерс». Сбросил на нашу группу три бомбы. Неточно! Подумать только, сколько наглости и уверенности было у немцев, если они не жалели бомб на 10 бойцов!

В Запорожской заночевали в хате у какой-то старушки. Ашихин, шофер, съевший свой сухой паек, пошел на добычу. Вернулся спустя полчаса с громадным судаком, килограммов на 8-10, и с двумя десятками яиц. Ужин был на славу!

На другой день, подкрепившись остатками вчерашнего ужина и принесенным Ашихиным полведра молока, продолжили наше пешее путешествие. Ашихин очень просил еще остаться в Запорожской. Уж больно понравилась ему казачка, снабжавшая его продуктами!

Интересный ландшафт на Тамани. С одной стороны, безбрежное Азовское море, с другой – голубые лиманы, дельта реки Кубани, камыши. Прошли Пересыпь, станицу Голубицкую. Весна. Лиманы полны рыбы, идущей на нерест. Война рыбы не касается, она выполняет свой природный долг. Буквально за даром покупаем хороших рыббин.

На второй день добрались до Темрюка. Вот где рыбный город! На базаре только рыба: свежая, жареная, вареная, вяленая и т.д.

Оставил бойцов, пошел изы-

скивать средства к дальнейшему передвижению. Оказывается, имеется регулярное автобусное сообщение с Краснодаром. Обратился к начальнику автостанции, предъявил командировку. Безоговорочно принял нас к перевозке. Наутро мы отправились автобусом в Краснодар. Можно было доехать до Крымской, а оттуда, по железной дороге, в Новороссийск. Подумал – торопиться некуда. Тем более, что из разговоров жителей знаем: немец сильно бомбит Новороссийск. Из огня да в полымя! Успеется! Минирование моря в Крыму, усиленные бомбежки основной базы снабжения сражающегося Севастополя и Крымфронта – это верный признак подготовки к наступлению. Так и было.

Но имелась задумка, добравшись до Краснодара, выкупаться в бане самому и дать возможность помыться бойцам. Мое сообщение об этом было с большим энтузиазмом воспринято всем отрядом. В Керчи не только бани, но и воды пресной не было. Вода, добытая из колодцев, была горькая. Сказывалась близость моря.

Краснодар еще жил мирной жизнью. Немец не бомбил. Трамвай, театры, кино – все работало нормально. Баня – хорошо! Как-будто вновь родились. Представляю, сколько мы на себе грязи носили!

Усиленные бомбежки основной базы снабжения сражающегося Севастополя и Крымфронта – это верный признак подготовки к наступлению. Так и было. Также имелась мысль, едуци в Краснодар, выкупаться в бане самому, и дать возможность помыться бойцам. Мое сообщение об этом было с большим энтузиазмом воспринято всем отрядом. В Керчи не только бани, но и воды пресной не было. Вода, добытая из колодцев, была горькая. Сказывалась близость моря.

Краснодар жил еще мирной жизнью. Немец не бомбил. Трамвай, театры, кино – все работало нормально. Баня – хорошо. Как-будто вновь родились. Представляю, сколько мы на себе грязи носили!

Окончание следует

ПАОЛА УРУШАДЗЕ

Вирус, под названием Корона,
Как во времена Декамерона
По домам нас, грешных, разогнал.
Мир теперь мы видим из окна...
Но в одном он может быть удачей –
Так же, как рассказчики Боккаччо,
Пользуясь негладанным досугом,
Соберемся, сядем полукругом,
И расскажем... каждый о своем...
Даже, может, что-нибудь споем,
Взглядом пробежим по полкам книжным
И тепло подумаем о ближнем...

А когда помилует нас Бог,
Так же вместе выйдем за порог
И продолжим наши разговоры...
Неужели, только после мора,
После войн или в преддверье тьмы
Люди вдруг становятся людьми?!

МИРЗА ШАФИ

■ **Алина ТАЛЫБОВА**

Выдающийся азербайджанский поэт, мыслитель, просветитель и педагог Мирза Шафи Вазех родился 14 июня 1794 года в Гяндже, в семье зодчего и каменщика Кербалаи Садыга, служившего во дворце последнего гянджинского правителя Джавад-хана. В письмах Вазеха содержатся сведения о том, что в 1804 году, после взятия Гянджи, прежде состоятельный Уста (Мастер) Садыг разорился, затем заболел и скончался, не прожив и года после этих событий.

С ранних лет маленький Шафи стремился к учебе, к знаниям. Отец, видя его интерес к учению и желая дать сыну духовное образование, отдал его в медресе при мечети Шаха Аббаса в Гяндже. В медресе расширился кругозор Шафи – здесь он изучал персидский и арабский языки и чистописание. Не имея желаний посвятить себя религии и получить духовный сан, он, однако же, не противился желанию отца, и пока тот был жив, Мирза Шафи продолжал обучение в медресе, которое покинул только после кончины отца.

В годы учебы он познакомился с Хаджи Абдуллой, который возвратился в Гянджу из торгового странствия в Тебриз и Багдад. Упомянутый в источниках как «человек замечательных душевных качеств и высокой нравственности» Хаджи Абдулла по многим вопросам был в конфронтации с местными ахундами и муллами и постоянно вступал с ними в споры. Хаджи Абдулла покровительствовал молодому Мирзе Шафи, разделявшему его взгляды, став его духовным отцом и учителем.

Вскоре по ходатайству Хаджи Абдуллы, рекомендовавшего Вазеха как человека «на честность которого можно положиться», дочь Джавад-хана

Пюста ханум взяла Мирзу Шафи, прекрасно знающего фарси (бывший в те годы языком официальной переписки) и обладающего прекрасным почерком, на должность своего секретаря. Есть предположение, что именно в тот период поэта стали именовать Мирзой, что впоследствии отразилось в его творческом псевдониме. Некоторые исследователи связывают слово «мирза» с его преподаванием каллиграфии и восточных языков при мечети Шаха Аббаса.

В те годы Мирза Шафи уже писал стихи под псевдонимом Вазех, что значит «ясный, выразительный», и был известен всей Гяндже как талантливый поэт. Тогда же Мирза Шафи влюбился в дочь Ибрагим-хана Гянджинского – эта история любви, имевшая несчастливый конец, оставила глубокий след в творчестве поэта.

В 1826 году возобновилась война между Персией и Россией. Старший сын Джавад-хана Угурлу-хан удерживал Гянджу в течение трех месяцев, но после сражения, закончившегося его поражением, Угурлу-хан был вынужден вместе с сестрой покинуть страну и отправиться в Персию.

Оставшийся без работы Мирза Шафи некоторое время занимался частным преподаванием. В 1831 году скончался Хаджи Абдулла и Мирза Шафи лишился единственной поддержки и опоры. В 30-40-е годы XIX века Мирза Шафи работал секретарем у состоятельных людей, преподавал восточные языки и переписывал ценные книги. Расширилась и география его известности как поэта, мастера газелей, касыд, месневи (традиционные формы стихосложения в поэзии стран Ближнего и Среднего Востока, Средней и Южной Азии).

Одним из учеников Мирзы Шафи в Гяндже был приехавший в город в 1832 году Мирза Фатали

Ахундов – будущий основоположник азербайджанской драматургии. Мирза Шафи, обучавший Ахундова каллиграфии, сыграл немаловажную роль в формировании его прогрессивных просветительских взглядов.

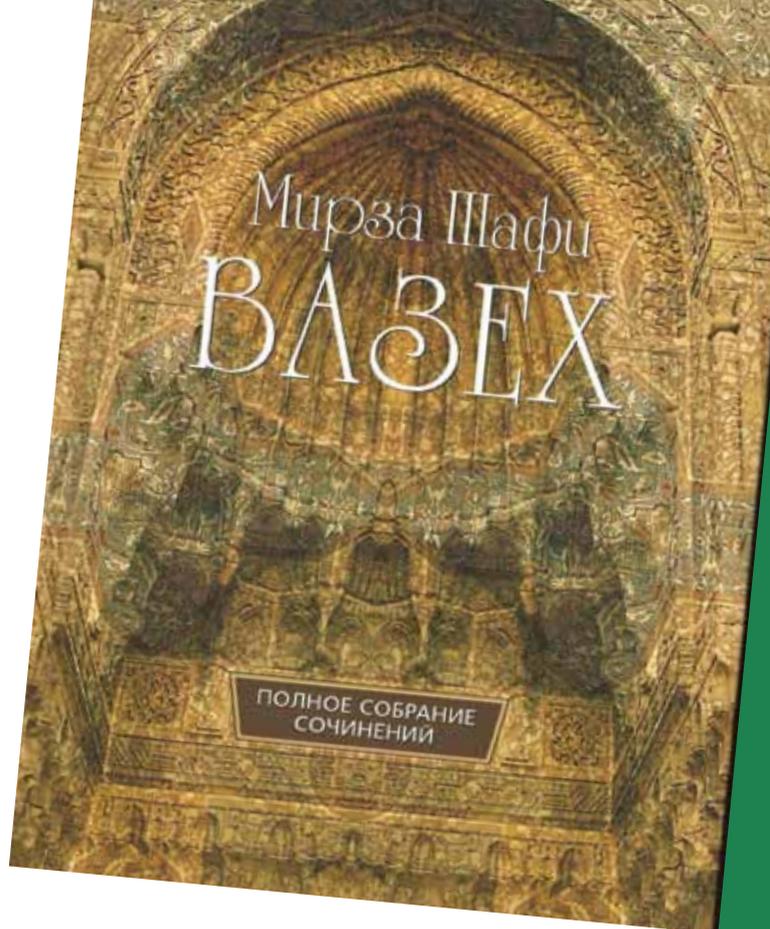
В те годы широкую известность обретает занимающий особое место в истории азербайджанской литературы XIX века литературный меджлис «Дивани-хикмет» («Собрание мудрых»), основоположником и центральной фигурой которого был Вазех.

Алина Талыбова и Михаил Синельников на презентации

В конце 1840 года Мирза Шафи Вазех переехал в Тифлис, где начал работать преподавателем восточных языков. В те годы в Тифлисе продолжает работу меджлис «Дивани-хикмет», возникают тесные связи Вазеха с Аббасгулу Ага Бакихановым, Мирзой Фатали Ахундовым и другими деятелями культуры Азербайджана и всего Кавказа.

В 1844 году в Тифлис прибыл немецкий литератор и ориенталист Фридрих Боденштедт, проявлявший большой интерес к жизни и культуре Кавказа и пожелавший брать уроки восточных языков. В Тифлисе он познакомился с Мирзой Шафи и стал под его руководством изучать азербайджанский и персидский языки. После занятий, проходивших три раза в неделю, Мирза Шафи читал ученику свои произведения, что было, на его взгляд, лучшей методикой обучения языку. В это время Мирза Шафи, работавший учителем в Тифлисской гарнизонной школе, по ходатайству Боденштедта был принят на работу в Тифлисскую гимназию в качестве преподавателя азербайджанского языка.

жанского языка. В эти годы между ними складываются близкие отношения, и Боденштедт (один или со своими европейскими друзьями) часто принимает участие в собраниях литературного меджлиса «Дивани-хикмет», проходящих в доме Вазеха. Так Боденштедт изучал восточные языки и часто был первым читателем стихов Мирзы Шафи, которые тот слагал экспромтом или читал из записей.

В 1847 году Боденштедт вернулся в Германию, захватив с собой тетрадь стихотворений Мирзы Шафи под заголовком «Ключ мудрости». В 1850 году в Берлине вышло в свет объемистое трехтомное издание Боденштедта под названием «Тысяча и один день на Востоке» («Tausend und ein Tag im Orient»), в которой автор пишет, что упомянутая тетрадь была подарена ему Вазехом. Часть книги была посвящена учителю Боденштедта – Мирзе Шафи, и в этом же издании была опубликована значительная часть стихов Вазеха. Книга, в особенности ее «поэтическая часть», имела большой успех у читателей и издателей. В 1851 году вышла в свет книга «Песни Мирзы Шафи» («Die Lieder des Mirza-Schaffy») в переводе Ф. Боденштедта, а в 1874 году Боденштедт издал еще одну книгу – «Из наследия Мирзы Шафи» («Aus dem Nachlasse Mirza Schaffy's»), в которой взял на себя смелость заявить, что стихи Вазеха являются его собственными произведениями, а Мирза Шафи вовсе не является их автором.

В 1846 году Вазех вернулся в родную Гянджу, где некоторое время еще преподавал, продолжая в то же время свою творческую деятельность и работу литературного меджлиса «Дивани-хикмет». В 1850 году Мирза Шафи вновь переехал в Тифлис, где работал преподавателем персидского и азербайджанского языков в Тифлисской гимназии.

Нарикала. Тифлис

гимназии. В 1850-1852 годах Мирза Шафи Вазех вместе с одним из московских воспитанников видного азербайджанского педагога Мирзы Казембека – Иваном Григорьевым составил первое учебное пособие по азербайджанскому языку, а также первую хрестоматию азербайджанской поэзии – «Китаби-тюрки». (Книга была составлена по поручению начальника Управления государственных образовательных учреждений региона Шамаха-Дербент, майора Ковалинского).

Мирза Шафи Вазех скончался в Тифлисе в ночь с 16 на 17 ноября (по другим данным 28 ноября) 1852 года. Увы, поэт так и не увидел изданных в Германии книг «Тысяча и один день на Востоке» и «Песни Мирзы Шафи», а книга «Китаби-тюрки» была издана литографским способом в Тебризе только в 1856 году, то есть через 4 года после его кончины.

Творчество Мирзы Шафи еще при жизни поэта вызывало большой интерес современников, его произведения были переведены на многие языки. Уже в 1850 году в 4-м выпуске издающегося в Санкт-Петербурге журнала «Сын отечества» были опубликованы два стихотворения Вазеха в переводе неизвестного переводчика. В последующие годы произведения Мирзы Шафи были переведены на десятки языков, вызвав продолжительную литературоведческую полемику. Его стихи привлекли внимание выдающихся писателей того времени – так Л. Н. Толстой в одном из своих писем к А.А.Фету, говоря о Вазехе, пишет: «Он (вероятно, подразумевается Н.И. Эйферт, который в ту пору был домашним учителем немецкого у Толстых) привез мне на днях Мирза Шафи... Там есть прелестные вещи. Знаете ли вы их?..»

Выдающийся музыкант своего времени, русский пианист и композитор Антон Рубинштейн написал цикл романсов на 12 стихотворений Мирзы Шафи. Эта работа в 1855 году была с одобрением отмечена знаменитым венгерским композитором

Ференцем Листом, который оказал поддержку в издании этих романсов, быстро обретших популярность в Европе под названием «Персидские мотивы». Впоследствии тексты этих романсов были переведены с немецкого языка на русский великим русским композитором Петром Ильичом Чайковским и с большим успехом исполнялись легендой мирового оперного искусства Федором Шаляпиным. 5 ноября 1887 года на улицах Берлина были вывешены афиши, извещавшие о том, что в театре Фридриха Вильгельма состоится представление оперетты композитора Карла Мильокера «Песни Мирзы Шафи» (авторство либретто принадлежало Эмилю Полу).

Таким образом, и стихотворения поэта, и в целом его жизнь и творчество оказались в центре внимания немецких, европейских, русских и азербайджанских исследователей – историков литературы, литературоведов и текстологов. За прошедшие годы были написаны сотни статей, научных трудов, монографий, проведено множество научных дискуссий. В результате многолетних исследований как в Азербайджане, так и за рубежом, ведущими литературоведами была детально восстановлена личная и творческая биография Мирзы Шафи Вазеха, обнаружены рукописи поэта и опровергнуты все беспочвенные притязания на его творчество.

Сегодня в Баку, Гяндже и Тбилиси есть улицы имени Мирзы Шафи Вазеха, в честь великого поэта названы школы, музеи, парки. Интерес к творчеству поэта не угасает и в XXI веке. Его поэтическое наследие преподается в средних и высших учебных заведениях. Художники, скульпторы, писатели, композиторы и исполнители продолжают обращаться к его образу и произведениям.

Нынешнее полное издание сочинений М.Ш. Вазеха (Мирза Шафи ВАЗЕХ. Полное собрание сочинений. Издание первое (в 4-х книгах), Баку 2019, ISBN978-9952-8332-3-2) приурочено к 225-летию поэта, которое отмечалось в 2019-м. Составителями проделана большая и скрупулезная работа (с привлечением коллег из Академии наук Азербайджана, Бакинского Университета, а также переводчиков и литературоведов из Германии) по собиранию разрозненных текстов поэта в отечественных и зарубежных источниках, уточнению разночтений в различных переводческих версиях, тщательному редактированию всех трех версий издания – на азербайджанском, русском и немецком языках. В русской версии издания, наряду с уже ставшими классическими переводами Н. Гребнева, Л. Мальцева, включены редкие переводы, например, С. Надсона или Петра Ильича Чайковского. Большой массив современных переводов принадлежит, в частности, видному российскому поэту и многолетнему переводчику азербайджанской поэзии Михаилу Синельникову. В результате совместных усилий творческой группы данное издание, являющееся на сегодняшний день первым, по-настоящему полным собранием сочинений поэта, с большим интересом встречено как специалистами, так и широкой читательской аудиторией.

Мирза Шафи ВАЗЕХ ТИФЛИС СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Неся слова благоговейно,
Твои посланцы разбрелись –
Стал славен от Куры до Рейна
Твоими песнями Тифлис!

(Перевод Михаила Синельникова)

Есть города приятнее для глаз,
Но все-таки прославился Шираз
Великой красотой, подтвержденной
Стихом Хафиза много тысяч раз.

На свете лишь поэты могут вмиг
Поднять рабов и в грязь втоптать владык,
Великим сделать то, что не велико,
Того ничтожным сделать, кто велик.

Слова Хафиза убедили нас,
Что края нет прекрасней, чем Шираз,
Поэт булыжник города родного
Посредством слова превратил в алмаз.

И наш Тифлис напоминает сад,
Здесь винный дух, цветочный аромат.
Спокон веков прекрасный этот город
Поэтами и песнями богат.

И ты, Мирза Шафи, воспой Тифлис,
Как город свой родной воспел Хафиз.
Воспой Тифлис, и песнею своею
Над городами прочими возвьись!

Мирза Шафи, твои напевы – рай
Для всех красот, чем славен этот край.
Вино, любовь – все, что в стихах воспето,
Благослови, Аллах, а не карай.

Мирза Шафи, твои напевы – ад
Для всех святош, что судят и брюзжат,
Мирза Шафи, ханжей твои напевы
Сильней геенны огненной страшат.

(Перевод Наума Гребнева)

Там за горами висится Казбек,
Седой Казбек, проживший долгий век.

Трезвонит речка у его подножья.
Внизу – весна, а на вершине – снег.

Мне кажется порой: с Казбеком схож я,
Большой седоголовый человек.

А ты – весна у моего подножья,
Ты – речка, начинающая бег.

(Перевод Наума Гребнева)

Кура у ног моих, у самых ног
Поет и плачет желтая вода.
И солнце опускается в поток.
О, если б так осталось навсегда!

Сосуды придвигаются ко мне,
Я пью, и забывается беда,
И взгляд любимой вижу я на дне.
О, если б так осталось навсегда!

На свете ночь, на небе солнца нет,
На небе звезды, и любовь – звезда.
Чем гуще мгла, тем ярче звездный свет.
О, если б так осталось навсегда!

Пусть в двух морях твоих безбрежных глаз
Бурлит моя любовь, иди сюда,
Темно вокруг, никто не видит нас...
О, если б так осталось навсегда!

ТИФЛИССКИЕ ДЕВИЦЫ

Тифлиссские девицы
В сиянье диадем
Прекрасны, светлолицы,
И я в восторге нем.

Все шелк и бархат рытый –
Их платья и платки,
И яркой нитью шиты
Их туфельек шнурки.

Под белыми чадрами,
Как будто бы к венцу,
Проходят вечерами,
И все-то им к лицу.

Тифлиса чаровницы...
Хочу я все сильней
Их блеском насладиться
В нарядах давних дней.

Без этих украшений
Мишурных, привозных,
В своей красе весенней,
В цветных шелках своих.

Когда не приедета
Та, чей прелестен лик,
То не прельстит поэта,
Будь даже он старик!

(Перевод Михаила Синельникова)

– Мирза Шафи, заладил ты одно,
Все про любовь поешь, да про вино,
А это нам наскучило давно,
Все, что чрезмерно, то надоедает.

О чем же петь, подайте мне совет:
Здесь на земле, где столько зла и бед,
Любовь и хмель – единственный просвет,
А светлое чрезмерным не бывает.

(Перевод Наума Гребнева)

За красоткой по тропинке
Молча шел я в пустоту...
Но прекрасны здесь грузинки,
Как фракиянки в цвету.

Хоть встречались наши взгляды,
Ускользнет, как ни гляди.
Тщетно я искал отрады,
Сердцу холодно в груди.

Только ты так небывало
Сердце сблизила с моим.
Все, что в искрах исчезало,
Стало пламенем одним.

Только ты и оживила
Дух, что в сумраке поник...
Всходит главное светило –
Гаснут звезды в тот же миг.

(Перевод Михаила Синельникова)

Состришь ты едко и толково,
И всякий скажет человек:
«Из уст моих ты вынул слово,
Я думал то, что ты изрек!»

Мирза Шафи, всего-то дела –
Взять нечто из народных дум,
Чтоб шутка город облетела,
Повсюду вызывая шум.

(Перевод Михаила Синельникова)

СТАРЫЕ СКАЗКИ ТИФЛИСА

Тифлиссские узнал я сакли
С трудом – усилием души,
Хоть под луной они не так ли,
Как прежде были, хороши!

С большим трудом себе на диво
Я узнаю тифлисских дев,
Они проходят горделиво
И на меня не поглядев.

Мирза Шафи, а ведь едва ли
Легко узнать и облик твой
С тех самых пор, когда вы стали
С Хафизой мужем и женой.

(Перевод Михаила Синельникова)

На крыше ты встала, меня проводив,
И волосы ветра взметает порыв.
– Прощай, моя радость, тебе я спою
Сегодня последнюю песню свою.
Пора уходить – впереди города...
Я знаю, что путь будет долог!
Но все ж, дорогая, до встречи, когда
Над ложем готов будет полог!

Увидишь еще, что тебе я привез
Чудесный атлас для наряда,
Лаванду для амбровых этих волос
И хну для ногтей – все, что надо.
Придут с караванами издалека
Тяжелый и нежащий бархат, шелка...
И щедрости мать твоя рада.

Стояла на крыше, когда уходил,
Махала мне, вскинув руки,
И ветер, взметнув ее волосы, взмыл,
Ей песню отнес о разлуке.
– Счастливой дороги, любимый! О, да,
Я знаю, твой путь будет долог.
И все же спеши возвратиться, когда
Над ложем готов будет полог!..

(Перевод Михаила Синельникова)

ПРОЩАНИЕ С ТИФЛИСОМ

Прекрасен ты, город Куры, и плодами богат!
Прекрасны особенно жены твои и сыны!
Ты – море мучений моих, ты – море отрад,
Перлы в котором сердцем моим найдены,

С поклоном и полною чашей
я петь тебя рад.

Скалы и горы вокруг
обнимают тебя,
Плодотворные воды
везде орошают тебя.

Зреют в ветвистых кустах,
В ярких зеленых полях
Вина твои огнистые,
Ключ чудотворный живой,
Катится теплой волной
Чрез дикие плиты скалистые.
Старые сакли ползут
Повсюду с зеленых полей
К верху, где горы желтей.
Со скал обрывистых тут
Крепости смотрят руины,
Замки в долину Куры –
Там видны дворцы-исполины,
Дома без числа и дворы.
Виден повсюду толпой
Пестрый на рынках народ,
Над этим небесный свод
Прекрасный и голубой.
Для довершенья красот
Ряд легких балконов идет.
Галереи везде извиваются
Вокруг на твоих домах:
На эти балконы собираются
Ночью при лунных лучах
Красавицы в стройных чадрах.
Они оперлись на перила,
Их пестрые платья порхают,
Их лица так сладки и милы,
Их малые ножки мелькают.
Сверкают под белой чадрой
Их черные очи порой...
Прекрасен ты, город Куры,
и плодами богат!

Прекрасны особенно
жены твои и сыны!

Ты – море мучений моих,
ты – море отрад,

Перлы в котором сердцем
моим найдены,

С поклоном и с полною чашей
я петь тебя рад!..

(Перевод Н. Эйферта)

В.П. Верещагин. Тифлис

СТАРЫЙ ТИФЛИС

(Отрывок из романа «Легенда о Пиросмани»)

■ Валериан МАРКАРОВ

Несмотря на то, что родители Нико – Аслан и Текле – трудились не покладая рук, семья Пиросманашвили все же жила впроголодь, перебиваясь жалкими крохами. Бывали дни, когда у них не было ничего, кроме хлеба с сыром. А когда и последнего не находилось, то пищей служили хлеб с луком или со слабым кисленьким вином, – хлебец мочили в вине и так ели...

Отец, обладая недюжинной силой и трудолюбием, перебивался случайными заработками. Мать и дети фактически батрачили, а сам Нико пас телят и овец. В жестоком сражении за жизнь, в борьбе против нужды и голода, семье пришлось покинуть родные места и перебраться в Шулавери, большое село в пятидесяти верстах к югу от Тифлиса. Здесь, в имении «Иверия», принадлежавшем богатому тифлисскому землев-

ладельцу армянину Ахверду Калантарову, Аслан нанялся ухаживать за виноградниками.

Хозяйство в Шулавери вела жена господина Калантарова, престарелая и добрая душой Эпросине-ханум, со своими многочисленными детьми – тремя дочерьми и троими сыновьями. Хозяйка была щедра и платила исправно, и, казалось, жизнь семьи должна была наладиться на новом месте. Но злосчастия всегда приходят не вовремя, нанося в спину свои нещадные удары. Внезапно и скоростижно умер старший сын Аслана и Текле, Георгий. Ему только исполнилось пятнадцать. Когда это случилось, Текле, вся в черном, билась в горьких рыданиях, низко опустив голову над мертвым телом, все ударяла себя в грудь и во все горло кричала:

– Вай ме, швило! Ги-ор-гий!
Чуть не обезумела от вели-

кого горя. Похоронив сына, она долго оставалась безутешной, ведь несчастье ее было просто сокрушительным.

Спустя два года, поздней осенью 1870 года, умер отец. Расплатился-таки смертью за свое неумное трудолюбие. Вслед за ним ушла и мать. Она, высыхая от горя, скорби и тоски, уходила тихо и медленно. Казалось, после того как легли в эту землю ее сын и муж, ей не хотелось больше по ней ходить. Сначала она прекратила петь сыну перед сном колыбельную «Иавнана», потом перестала ждать его у калитки, а только все больше лежала в доме, до тех пор, пока навсегда не исчезла из виду.

Самая старшая из детей, Мариам, к тому времени вышла замуж за какого-то заезжего землемера по имени Алекси и уехала в соседнюю с Мирзани деревню Озани. Там она разродилась дочерью, но, будучи от рождения слабой здоровьем, внезапно захворала, а вскоре уснула, чтобы больше никогда не проснуться. Покинула этот мир, сошла в сырую могилу, и воссоединилась на том свете с родителями и братом.

Была семья и уже нет ее! Вот так, от большого и дружного семейства Аслана Пиросманашвили из шести человек остались только две круглые сироты – сестра и брат – Пепуца и Нико.

Чтобы решить судьбу детей, из Мирзаани приехали родственники. Сели посудачить, выпили по чарочке доброго вина, погоревали и решили, что Пепуца вернется в родной дом в Мирзаани, где, под присмотром родни, будет заниматься хозяйством. Нико же останется в Шулавери, в имении «важных господ» Калантаровых, у которых ребенку будет и тепло, и сытно.

– Оставайся здесь, Никала. Тебе ведь хорошо у нас? – пожилая Эпросинэ-ханум, обняв мальчика, ласково посмотрела на него своими внимательными и сострадательными глазами. Для каждого жило в ней доброе слово, а ее мягкий покладистый характер делал ее другом для любого, кто только желал этого.

– Ты не отчаивайся, швилоджан! Милосердный Святой Георгий привел тебя к друзьям, которые будут любить тебя и постараются заменить тебе утраченное. Вот и матушка твоя бедная, Текле, да упокой Господь ее душу, предчувствуя близкую кончину, просила меня позаботиться о тебе, чтобы мы стали тебе семьей... Так и сказала, мол, поручаю моего Никалу прежде всего Богу, а потом

Памятник Нико Пиросмани в Мирзаани

Дом-музей Нико Пиросмани в Мирзаани

вам, Эпросинэ-ханум. Что тебе подарить, сынок, чтобы ты позабавился?

– Я хочу рисовать, Эпросинэ-ханум, – сказал он, и слезы навернулись на его глаза.

– Не называй меня «ханум», Никала. Говори просто «бабушка». И не плачь, ты ведь мужчина! Шени чири ме! Привезем тебе из Тифлиса красок и бумаги, рисуй, сколько душе угодно!

На том и порешили. Добрая женщина оставила мальчика у себя и заботилась о нем, как о родном человеке.

Бывало, по вечерам Эпро-

синэ-ханум садилась за старинный карточный стол со своей взрослой дочерью, и они с азартом и без плутовства играли в какую-то странную игру. Увлеченные, они с такой прытью и возбуждением кидали кости, выкрикивали непонятные слова: «чари-ек», «шешу-беш», «чаруду», «дубара», «беш-дорт», и так грозно стучали фишками по деревянной, богато инкрустированной поверхности, что мальчику становилось жаль эту несчастную доску, что стойко выдерживала подобные удары. Судя по всему, дочь постоянно была в проигрыше, поскольку обсуждая вслух каждый свой ход, досадовала, что не так он был сыгран. Женщины спорили и громко бранились, пока случайно Эпросинэ-ханум не заметила Нико, тихо стоявшего уже долгое время за ее спиной.

– Поди сюда, сынок! – мягко сказала она, завидев его любопытство. – Чего смотришь? Тебе интересно? Я научу тебя играть, если хочешь... Игра эта старинная называется «нарды», и досталась она мне от любимой бабушки Нектаринэ. Великим была она знатоком в этом деле! С любым мужчиной могла сразиться, и не помню, чтобы она кому-нибудь проиграла, даже самому достойному противнику. Вот, смотри, это «зари» – игральные кости, – она

Район бань. Тифлис

стала показывать ему белые кубики из слоновой кости с черными точками на них и объяснять правила. Мол, цель игры – бросать кости и передвигать камни в соответствии с выпавшими очками, пройти ими полный круг по доске, зайти в свой «дом» и, наконец, выбросить их за доску раньше, чем это сделает противник...

– А что это за слова, бабушка, которые вы произносите криком? – заинтересованно спросил мальчик.

– Это цифры, Никала. Здесь смешались разные языки – индийский, персидский, турецкий...

– А почему же нельзя говорить на понятном языке: «один-пять», «четыре-три»?

– Э-э-э, швило, так не пойдет! Это было бы недостойно, неуважительно по отношению к этой древней игре... Да не тычь ты пальцем, считая ячейки, которые прошел «камень». Смотри, как делаю я. – И она, театрально изобразив на добром своем лице орлиный взгляд, охватила им все поле и мгновенно перебросила «камень» на нужное место. – И не думай, что соперник не следит за правильностью твоих ходов, как бы быстро ты их ни делал. Еще как следит!

Эх, хорошо ему жилось в этом милом доме в Шулавери, где он впервые услышал

от домочадцев армянскую и русскую речь. Здесь, с утра и до вечера, его окружали уют и тепло. А когда приходила ночь, ему непременно снилась Кахетия, благодатный край Грузии – живописные горы, суровые древние монастыри и царство бесконечных виноградников, в котором к осени с вьющегося винограда уже тяжело свисали налитые гроздья, на рассвете покрытые росой, как слезинками, и готовые утолить и опьянить своим соком жаждущего. Под солнцем их лиловые ягоды становились настолько прозрачными, что сквозь тонкую их кожу просматривались твердые косточки.

Ему снилось родное село Мирзаани, что раскинулось на холме прямо над Алазанской долиной, с бескрайними своими полями и пасущимися на них отарами овец, деревенский двор, их крикливый петух Мамало и рябая курица с пушистыми цыплятами. Грезилась исхудавшая мать, стоявшая у калитки в ожидании сына. И та девочка в желтой шляпе – Иамзэ – с веселым воздушным шариком в руках, что так приглянулась его душе...

Спустя пару лет один из сыновей Эпросинэ-ханум, Георгий, увозил мальчика в Тифлис:

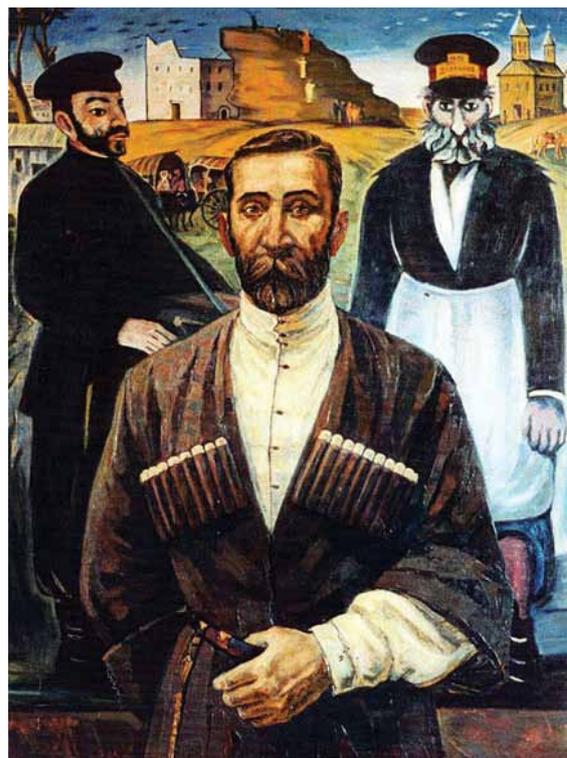
– Пусть Никала поживет

в столице, матушка. В Тифлисе ему будет интереснее. Хоть свет повидает! Хватит ему сидеть тут, в этой глуши... оглохнет здесь вконец от ваших нардов, зачахнет...

И вот, спустя всего несколько дней, мальчика, привыкшего к деревне, и не видевшего в своей короткой жизни ничего, кроме крестьянского быта, усадили в восьмиместный дилижанс на конной тяге, куда вместе с ним уложили его небогатый скарб, и он, в сопровождении дяди Георгия, тронулся в путь.

Всю дорогу он смотрел в окно и с сожалением наблюдал за тем, как мало-помалу менялся ландшафт, как стали исчезать поля и становиться безжизненными холмы. Добродушный Георгий, заметив испуганность мальчика, старался веселить его на протяжении всего путешествия. Они проехали сады Крцаниси и Ортачала, затем миновали кривые домики в Харпухи и серные бани, чьи купола торчали прямо из земли и источали густой пар и такой странно-удушливый запах, что Нико, чтобы защититься от него, пришлось зажмуриться и закрыть нос и рот обеими руками.

– Смотри, Никала, это Метехская крепость, – рука дяди указывала направо. Там, на вы-

сокой скале над Курой, возвышалось здание, окруженное какими-то постройками. – Сейчас это царская тюрьма, – прошептал он, наклонившись к уху мальчика. – А площадь эта есть татарский Мейдан. Самое «сердце» нашего Тифлиса.

Взгляд мальчика уловил разгоряченные и лукавые глаза купцов и торговцев, в подвижной выразительности следивших за своим товаром и жадно выискивавших новых муштары на этой небольшой площади, сжатой со всех сторон кривыми и косыми «карточными» домиками.

Их дилижанс двинулся в сторону Армянского базара, вечно шумного и деятельного. Эта улица начиналась с самого Мейдана и шла вверх, заканчиваясь на Эриванской площади. Они проезжали мимо развалин, на которых всесокрушающее время нарисовало узоры глубоких трещин, и мимо домов новой архитектуры с прекрасной лепниной в причудливом восточном вкусе. В одном месте путь им преградило множество арб, ведомых нерасторопными, вечно жующими буйволами, а затем – караван из нескольких десятков диковинных животных. Дядя Гиоргий пояснил, что это верблюды. Они, мерно покачиваясь и гремя бесчисленным множеством бубенчиков, несли на своих горбах пестрые ковры Персии и богатые шали Индии.

Наконец, дорога освободилась. Возничий стегнул лошадей и дилижанс со скрипом тронулся с места. Пробираясь взглядом по этим улицам и закоулкам, Нико на каждом шагу встречал ремесленников, работающих не в мастерских, а под открытым небом, на солнце, раскаляющем своими прожигающими насквозь лучами груды камней, сложенных в дома и сакли. Все самое лучшее, что производил Восток, все это было собрано здесь, на этой улице, деловитыми армянами: различных оттенков сукно, кожаные ремни, косматые черные бурки, оружие горцев. И персидские узорные ковры, шелковые ткани и расписной фарфор из самого Китая...

– Устал, сынок? – голос дяди

На рынке

Гиоргия отвлек Нико от путаных мыслей. – И проголодался, должно быть? Потерпи немного... и скоро увидишь свой новый дом. Вот приедем, сядем за стол и поедим горячую чихиртму с курицей и горячим лавашом... Ты ведь любишь хорошую чихиртму?

Нико утвердительно кивнул. Действительно, он впервые попробовал этот густой суп в имении Калантаровых, и он ему очень нравился. Особенно, когда его мастерски готовила сама Эпросинэ-ханум.

Недавно отстроенный двухэтажный родовой дом Калантаровых располагался в Соллаки, на Садовой улице. Здесь многие дома выстроены богачами. Все они каменные, в стиле ампир, с грифонами и купидонами на фасадах, с аккуратными железными балкончиками, и с нарядными, порой помпезными, подъездами, где на столбах, рядом с лестницей, установлены фонари, которые торжественно освещают всю парадную с ее лепниной и пилястрами. Это было типично тифлисское жилище – гостеприимно распахнутое, щедрое и шумное. Здесь, в этом дворянском гнезде, поселилось большое и дружное семейство: три брата – Гиоргий, которого, как потом узнал Нико,

в Тифлисе звали на русский манер Егором, Мелик и Калантар. Первые двое были крупными предпринимателями, владели конным заводом в Шулавери, маслобоянями. А Калантар был владельцем большого караван-сарая. Хозяйством в доме управляли в основном женщины – в нем часто рождались дети, и маленький Нико рос вместе с ними на правах родственника и понемногу постигал основы тифлисских дворовых игр.

– Разве ты не умеешь играть в «авчалури», Никала? Все дети знают эту игру!

– Нет, не умею, – ответил мальчик. – Зато я умею играть в нарды.

– Смотри, – говорил один из домочадцев, озороватый Михо, – видишь мешочек?

– Ну, вижу, и что?

– Этот сделан из старого мамино чулка. А иногда – из наших порванных носков. Внутри зашивают горсть сухого красного лобии или кукурузных зерен. Или гороха.

– Потому от него такой шум?

– Да. Подбрасываешь его вверх, ударяешь снизу ботинком – сначала правым, потом – левым. А ребята пусть считают, сколько раз он взлетит, да так, чтобы земли не касаться. Вы-

Торговля битой птицей

игрывает тот, кто сделает это большее число раз...

Было видно, что Михо, да и другие мальчики в доме Калантаровых, были виртуозами в этой забаве, умудряясь подбрасывать «авчалури» несколько десятков, а то и сотен раз, перебрасывая мешочек с ноги на ногу, поддавая его то носком ботинка, то пяткой, а то и вовсе лодыжкой. И Нико вскоре с досадой признал, что ему никогда не победить их в этом странном развлечении, которое он сразу же окрестил «летающим носком».

А еще он научился играть в «кочи», поначалу искренне удивляясь тому, что дети в Тифлисе деловито бросают в воздух эти причудливой формы бараньи косточки, покрытые лаком, шкодливо выкрикивают непонятные слова: «алчу-кочи!» или «тохан – бабои похан!», и находят в этом озорстве большое удовольствие. Михо сообщил ему, что право первого хода получает тот, у кого эта косточка встанет на ребро:

– Это называется «алчу», Нико. Я вот сейчас выброшу свой кочи вперед, а ты должен в него попасть своим кочи. Если не попадешь, тогда придет моя очередь целиться. И если я попаду, то получу в приз твой кочи. Понял?

В некоторые забавы можно было играть вместе с девочка-

ми. В жмурки, ловитки, семь камешков или «кучур – на место». А в паузах между играми они мимоходом злились печального дворника Шамо, что ежедневно мел всю Садовую от начала и до самого ее конца, при этом напевая зычным голосом:

«Любил я очи голубые, теперь влюбился в черные.

Те были нежные такие, а эти непокорные...».

Он был небольшого роста, мускулистый и чернявый. Ежедневно, после работы, он надевал на себя странное приспособление, похожее на «козу» из набитой шерстью ковровой ткани под названием «куртан», и шел подрабатывать носильщиком. Говорили, что с помощью куртана, в лямки которого он просовывал свои большие руки, он в одиночку поднимал пианино на третий этаж, перелестнув груз ремнем.

Так вот, когда Шамо входил в маленькую будку, чтобы спрятать там свою метлу и огромный жестяной совок, сорванцы запирали будку снаружи и дразнили его на тифлисском наречии из смеси русского, грузинского, армянского, курдского языков. До поры до времени муша Шамо терпел их насюки, лишь устало улыбался детворе, но и его терпению пришел конец. Первым под его горячую и сильную руку попал сорвиголова Михо.

– А-ах шени, бемураз ты такой! – поймав того за шиворот, дворник с легкостью затащил сопротивлявшегося безобразника в будку и усадил на табурет напротив себя. Михо с ужасом следил за его правой рукой, крепко сжимавшей рукоять метлы. Но Шамо прочел мальчугану краткую лекцию на тему «старший-младший», а в конце произнес фразу: «Сынок, – сказал он, – если не можешь сделать ничего хорошего, то и плохого не делай!». С этими словами муша Шамо выпустил его из будки, одарив на прощанье горстью конфет. Притихшие дети, ожидавшие суровой расправы над товарищем, были озадачены, когда он делился с ними сладостями и жизненной философией муши Шамо.

Калантаровы держали детей, по мере возможности, в строгости. Бывали дни, когда глаз с них не спускали. Именно по этой причине предпочитали неумные сорванцы обитать не в своем, а в соседних дворах, что победнее, с легкостью находя там новых друзей для своих игр и шалостей. Во дворах этих была особая прелесть – длинные и широкие деревянные резные балконы-галереи изнутри опоясывали дом ярусами,

М. Хубашвили. Карачохели

нависшими над маленькой площадкой двора, и на эти ярусы с ажурными перилами открывались двери комнат, расположившихся здесь анфиладой. Лестницы же здесь были часто винтовые и пристраивались к зданию снаружи.

Во дворе, куда повадилась ходить детвора Калантаровых, росли три дерева – акация, гранат и тута. И стоял «крант» для общего пользования. Солнце появлялось здесь только на балконах, в комнаты к жильцам оно никогда не заглядывало. Зато попадало оно на третий этаж, где в глубоких многокомнатных квартирах жили «большие люди»: семьи старого доктора Шнитмана и инженера-железнодорожника Донцова, а также сухопарая учительница французского мадам Тер-Акопова, никогда не бывавшая замужем. Вход к ним был только с улицы, с парадного подъезда. Во второй ярус можно было попасть или через двор, вверх по деревянной лестнице, или по лестнице подъезда. В комнаты же первого яруса можно было войти только со двора. И стояли эти темные комнатухи, сиротливо прижавшись друг к другу так, что сосед всегда знал не только, какой обед у соседа, но и о чем он думает, ведь в старом Тифлисе думать принято громко. Все знает сосед, все слышит и видит! По звуку определяет, чья дверь вдруг предательски скрипнула и догадывается – «с чего бы это? да что ты говоришь? а, ну конечно! как же это мне сразу на ум не пришло!». Подмечает внимательный сосед даже то, чья жена и когда... ходила... душной тифлисской ночью... расфуфыренная... поливать цветы! А цветы, несмотря на такую заботу, отчего-то не политые стоят месяцами и вянут...

Жизнь была ключом в этом мире. То и дело разносилось с первого яруса:

- Ануш, бала-джан, поднимись к мадам, постучись культурно, спроси который час.
- Мама, потерпи, сейчас наш Арсен придет, будет кричать «яйса, свежи яйса!», значит ровно десять часов.
- Ах ты, ленивая такая! – ворчала мать. – Ничего тебе пору-

Ботаническая улица. Тифлис

чить нельзя!

И тут во двор входит громкий голос продавца Арсена, протяжно поющий:

– «Яйса, свежи яйса!»

Тут же, на первых двух этажах появляются красные, желтые, синие халаты женщин в чустах, выстраивающихся в очередь к Арсену. Каждая накладывает яйца в свою корзину, предварительно просматривая их на солнце, и проверяя таким образом их свежесть.

– Что смотришь? Что там ищешь? – привычно ворчит Арсен. – Курица сегодня снесла...

А с другой комнаты доносится:

– Витик, вставай, лежебока. Арсен уже был! Завтракать пора!

Очередь у «кранта» занимали с самого утра. Знали, что сын портнихи, Арам, проснись он, будет полчаса в нем мыться, фыркая от удовольствия и подтягивая свои то и дело сползающие кальсоны. Керосинки на балконах уже шипели, вокруг них хлопотали хозяйки.

– Марго-джан, шакар чунес?

– Марили момеци ра, Жужуна-генацвале!

А старая Вартуш, высушенная от ветра времени, сидя на табурете возле окошка, пела свою любимую песенку:

«Ми пучур бабушка, нстела

акушка, утума семушка, наюма дедушка...».

Толстый, неповоротливый Витик, завидев «братву» из Калантаровского дома, выбежал из комнаты, не доев свою кашу. За ним бежала его мать, крича и плача, что она «похоронит папу» и сама умрет, если он не съест еще одну ложку хотя бы ради нее.

После завтрака во двор, поближе к «кранту», выставлялись лоханки и начиналась стирка. В мыльной пене копошились женские руки. Они что-то усиленно оттирали, выжимали, затем полоскали, и снова отжимали. А потом заполняли отстиранным бельем веревки, что протягивались через весь двор, от туть до акации, и от столбика к балкону. А на перила «выбрасывались» подушки, одеяла, коврики, которые предварительно хлестались рукоятками веников или швабрами. Детям нравились эти «занавеси», они помогали при игре в прятки.

А потом во дворе раздавался хриплый голос бойкой Нази-бебо, приводившей во двор своего старого ослика, на спине которого висели хурджины:

«Мацони! Ма-ла-ко-о!», – и опять хозяйки спешили вниз, на этот призыв.

– Почему этот мацони такой желтый? – спрашивала одна.

Нико Пиросмани. Фруктовая лавка

– Это «камечис», буйволиный, очень полезный. От всего лечит.

Спустилась и француженка, мадам Тер-Акопова. Но, увидев бедного ослика, у которого от старости уже провис хребет, она схватилась обеими руками за свое бледное лицо и с жалостью прошептала: «О, Mon Dieu! Несчастное существо!» и удалилась, наотрез отказавшись покупать целебный кисломолочный продукт у бесчеловечной мацонщицы. Нико тогда показалось, что мадам пустила слезу, иначе отчего это она вдруг достала из кармашка кристальной белизны платочек и коснулась им своих глаз?

– Дрянная старая дева! – прошипела ей вслед, блеснув глазами, мацонщица Нази-бебо. – Ишь ты, бла-га-род-ная какая нашлась, осла пожалела! Лучше себя пожалей! Прожила ты свою безгрешную жизнь, поэтому и не знала ни одного счастливого дня! – а потом, переключив взгляд на детвору, которая обступила со всех сторон света вьючную скотину и гладила ее до полного одурения, она завопила диким голосом:

– А ну-ка, руки свои уберите от моего осла!

Ребятки же, казалось, напроць оглохли и продолжали свое дело, лаская ишачка и невзирая на громкие подзатыльники своих матерей.

Вдруг во дворике появляется зелень: киндза, петрушка, укроп, реган, тархун. Ее ка-

тит перед собой на тачке сам продавец. Фрукты тоже едут, но не на тачке, а верхом на человеке. На голове его громадная плоская деревянная чаша с товаром. Настоящий кинто!

Раз в неделю, где-то в середине дня, вся Садовая на несколько часов теряла спокойствие. Женщины и мужчины хватили пустые бидоны и по гулким деревянным балконам, по гудящим деревянным лестницам взапуски неслись на улицу:

– Кэ-ра-син! – такое необходимое всем зажигающее слово.

Лошадь, железная бочка с керосином, пожилой армянин с колоколом в руке еще только на подходе, а чье-то чуткое ухо

Торговля овощами и фруктами

уже уловило звон, значит, лети поскорее, пока улица в неведенье дремлет. Вот люди и бегут, громыхая бидонами и клича любимых соседей.

А когда садилось солнце во дворе, появлялся завсегдатай по имени Шакро. Он нес на спине два мешка. Один был доверху наполнен воздушной кукурузой, слепленной подкрашенным сиропом в шары размером с яблоки. Сквозь другой просматривались очертания бутылок.

– Бады-Буды! На бутылки! Бады-Буды. Ме-ня-ю на бутылки!

Шакро был любимцем всех детей и злющим врагом их родителей.

– Ма-ма-а-а! – кричал Витик истошным голосом, будто во дворе начался пожар. – Дай три бутылки. Быстро! Наш Шакро бады-буды принес!

– Ва-а-ай! – вырвалось из женской груди. – Не дам тебе никаких бутылок! Ишак ты карабахский!

Тот искривился и издал странный звук, похожий то ли на смех, то ли на плач.

– Ах, ты плут! Делай одно дело: или кричи и плачь, или не смейся, когда плачешь! Сто раз повторяла: хватит тебе уже эту заразу кушать! Намучилась я с тобой! Сдохнешь в один день, освобожусь от тебя! – Витикина мама подробно перечислила все беды, какие обрушились на нее со дня его

рождения и по сей день. Сверкая глазами и хватаясь за голову, она в то же время зорко следила за тем, какое впечатление производит не столько на непослушное дитя, сколько на соседей, и, в зависимости от этого, то сгущала краски, то смягчала их.

Но хитрый Витик давно смекнул, что не нуждается в ее благоволении. Точно зная, где в доме хранятся бутылки, он хватал их своими пухлыми руками в охапку, и, гремя стеклом и очертя голову, бежал менять их на сладкую кукурузу, чтобы поделиться хрустящими и сладкими шарами с другими мальчишками. Ведь иначе его, толстяка, не брали в игру.

А порой в этот шумный двор заходявил старик с пестро расписанным ящиком на скрюченной спине. Звали его Шалико и был он потомственным шарманщиком. Переступив за кованую дверь, он снимал с плеча музыкальную шкатулку и располагался под акацией, чтобы завести «кормилицу». Шарманка была старой и страдала хрипотой, монотонным кашлем и перенесла на своем веку не одну починку. Да видно мастера попадались все никудышные, потому что в некоторых местах поющий «органчик» вдруг начинал заикаться, издавать печальный и дрожащий звук, точно старческий вздох, и все плакал, плакал. И старое небо плакало вместе с ним морозящим дождем. А иногда он тянул одну и ту же ноту, сбивая все другие звуки, что делало музыкальное произведение фальшивым и нестройным.

Первыми на звуки плачущей шарманки бежали любопытные дети. Пока Шалико размеренно вращал рукоятку своего агрегата и скрипучим голосом пел подряд две песни о несчастной любви, с верхних ярусов дома, привязанные на веревках, опускались булки, рогалики, кусковой сахар и конфеты. А тонкая душой мадам Тер-Акопова, торопливо стуча каблучками, всегда являлась публике в нарядном виде: в длинной черной юбке и кремовой шелковой блузе с брошью, и уважительно погружала монетки в его засаленный серый кар্তুз. Собрав «урожай», мужчина

Нино Пирросмани. Семейная компания. 1907

накрывал шарманку старым чехлом из синего холста, взваливал на спину и тяжелым шагом шел дальше...

Однажды тетушки Калантаровы повели детей на прогулку по Михайловской улице, в парк, носивший странное название «Муштаид». Тетушка объяснила, что некий выходец из Персии по имени Ага-Мирфетах Муштаид получил эту территорию от властей и построил здесь дом. И была у него наложница, грузинская красавица по имени Нино. Мол, купил он ее на невольничьем рынке в Константинополе, влюбился и женился на ней. После возвращения в Грузию Нино заболела и умерла. Супруг сильно скорбел по ней и похоронил ее тело рядом с домом, а вокруг могилы посадил много роскошных розовых кустов и реликтовых деревьев, которые и стали фундаментом для этого парка.

В этом «Гульбищном саду для тифлисцев» царила обстановка праздника: продавали ситро и сладкую вату. А на одной из аллей усатый старик с перекинутым за сгорбленной спиной ящиком кричал зазывным голосом на тифлисском диалекте:

– Аба, пломбир в стака-анчике, цхел-цхели шоколадни маро-ожнии!

Нико еще не знал вкуса мороженого, и тетушки, что сопровождали детей на этой прогулке,

решили устроить им праздник.

– Аба, свежи-и-и, гариачи-и-и, маро-ожни-и-и! На раз-ре-ез!

Тетушки переглянулись, заулыбались, и одна из них, остановив мороженщика, попросила показать, какое такое у него мороженое «на разрез»?

– Сначала купи, а патом я тэбэ пакажу, барышня! – ответил тот, вытирая пот со лба.

Тифлисец рассуждает как? Сначала поверим, потом проверим! Не оттого ли люди живут здесь весело, легко и долго...

Когда мороженщик получил деньги, то взял нож, воткнул его в один из стаканчиков, и спросил: – Папалам резат? – его глаза плутовски созерцали красивую барышню, которая, конечно же, никогда бы не согласилась, чтобы ее стаканчик с мороженым был изуродован ножом.

Но даже изумительный вкус сливочного мороженого, быстро тающего и превращающегося на языке в капельки сладкого парного молока, не мог оторвать взгляда Нико от художников, что с кистями в руках стояли за своими, расставленными на ножках, мольбертами. Рядом с ними, на траве, лежали краски, бутылки оливы. Одни рисовальщики сосредоточенно что-то изображали на своих холстах, накладывая на них краски так, что становились заметными мазки кисти. Другие – только пришли и выби-

рали себе подходящее, хорошо освещенное, место, расставляли мольберты, посмеивались, перебрасывались шуточками и фразами...

Нико вздохнул, представив себя на их месте: «Когда же закончится это глупое детство?».

А еще он учился русской и грузинской грамоте, по воскресеньям ходил с семьей в Сионский собор поставить свечку Сионской Божьей Матери, по праздникам – в Казенный Театр, или оперу, что был построен в роскошном мавританском стиле и представлял собой совершенно очаровательное сооружение. В нем шли «Фауст» и «Аида». Но Нико, казалось, интересовало только рисование. Взяв в руки красный карандаш или уголь, он каждую минуту изображал всех живущих в доме и соседей. Везде: на бумаге, на заборах, на стенах домов и даже на склонах Сололакского хребта, у подножия которого располагался дом его благодетелей. А порой он забирался на крышу и начинал углем зарисовывать прямо на жестяной кровле все, что оттуда видел: Метехи, не-

приступную крепость Нарикала, Святую гору Мтацминда, Ботанический сад и горделивую Куру, разделившую город надвое. Его рисунки очень нравились домочадцам, они с гордостью показывали их своим частым гостям.

После убогих Мирзаани и Шулавери, взор мальчика не переставал дивиться шумному колориту старого Тифлиса, служившему мостом между Европой и Азией. Узкие кривые улочки с маленькими домиками, что прижимались друг к другу, носили удивительные названия – Винный ряд, Угольная, Армянский базар, Башмачный ряд, Сионская, Банная, Ватный ряд, – они змейками ползли по склонам гор, вмещая в себя причудливо кипевшую городскую суету, включая всхлипывающее пение муэдзина с минарета незабвенной лазурной мечети на Мейдане.

Он бродил среди уличных лавок, что неровными рядами выпирали из домов и вытесняли прохожих на проезжую часть улицы. В этом месте, под лязг сотен весов с металлическими чашками, подвешенными к коро-

мыслу на цепочках, можно было купить все, что только могло желаться душе – персидские ковры, кувшины местные и привозные, фрукты, сухо.

Здесь трудились, зарабатывая себе на хлеб, добропорядочные мастера с подмастерьями и ремесленники, пользовавшиеся большим уважением и соблюдавшие свои законы чести: гончары, оружейники, войлочники, сапожники и башмачники, кузнецы, ювелиры и слесари. Этим вольных мастеровых и мелких торговцев называли в Тифлисе одним емким словом «карачохели», и многие из них отличались поистине рыцарской натурой, беззаботностью и хорошими манерами. Люди эти были плечисты и сильные, облачены в черные шерстяные чохи, обшитые по краям тесьмой. Под чохой у них ахалухи из черного атласа в мелкую складку. И такие же черные шерстяные шаровары, широкие книзу и заложенные в сапоги со вздернутым носком, голенища которых перевязаны шелковой тесьмой. Они подпоясаны серебряным ремнем, имеют расшитый золотом кисет и шелковый пестрый платок «багдади», заложенный за пояс, а головы их венчает островерхая папаха из шерсти ягненка, под названием «цицака», или «перец». В зубах же, для пущей солидности, некоторые карачохели дымят трубку, инкрустированную серебром.

Прямо на улице здешние портные умудрялись находить новых клиентов, снимали с них мерки, и вот, глядишь, они уже утюжат новую рубаху, размахивая в разные стороны утюгом, наполненным горящими углями:

«Снимай свою старую сорочку! Отдай в духан, пусть там ею полы моют. Такой уважаемый человек как ты должен выглядеть достойно. Вот, бери, примеряй эту! Не жмет нигде? Ну, тогда носи на здоровье, дорогой! Как сносишь – приходи еще! И друзей приводи! Все довольны будут!».

Пройдешь еще пару шагов – новая встреча – цирюльник рад привести любого в человеческий вид, постричь или побрить, и даже предложит зевাকে «кровь пустить» для омоложения, для чего мигмом извлечет из бан-

Нико Пиросмани. Вывеска

ки противных черных пивок и приложит их к нужному месту на теле.

Тут и пекари, круглосуточно пекущие горячий хлеб «шоти» в круглых печах «тонэ» из огнеупорных кирпичей. И при этом еще и поют, ведь хлеб это любит, от этого он становится хрустящим и приобретает особый душистый аромат. Именно так должен пахнуть настоящий хлеб в старом Тифлисе. А там, глядишь – повара, как змеи-искусители, со своими мангалами, где томятся мучительно ароматные куски шашлыка, нанизанные на шампуры, дух от которых одурманивал и будил аппетит. Краснощекие мангальщики, пританцовывая, ловко орудовали над ними, как будто совершали магический ритуал: то крутя над огнем, то поднимая вверх шампуры, нанизанные трескающимися от жара и истекающими соком бадриджанами и помидорами. А с подрумяненных и нежных кусков мяса сочились в огонь капли жира, от чего угли приятно шипели и от них поднималось облако дурманящего дыма. Оно обволакивало прохожих, дразнило им ноздри, призывало замедлить шаг и влекло отведать блюдо, впиться зубами в обжигающее мясо.

Винные погреба, духаны, харчевни и чайханы – «утром – чай, вечером – чай, душка моя, не серчай!». Отовсюду доносилось благоухание доброго кахетинского вина на любой вкус – старого и молодого, черного и белого, кислого, сладкого, сухого. И кваса, чахи, водки, чая или лимонада, выбирай что угодно настроению, чтобы запить вкусную еду. Но прежде чем ввязаться в разговор с торговцем, убедись, что ты все еще слышишь звон шаури и абазы (шаури равнялось 5 копейкам, а абазы – 20 копейкам) в своем кармане...

Жизнь здесь начиналась задолго до рассвета, шумно кипела и была наполнена стуками молотков, звуками дудуки и зурны, песнями бродячих музыкантов, жалобными хрипами шарманок, перебранками торговцев с покупателями, свистками городских криками разносчиков, воплями извозчиков скрипучих фазтонов, танцами кинто и болтовней зевак, что толкались на перекрестках.

Мейдан. Тифлис

Среди них были и персы в аршинных шапках, и лезгины в мохнатых бурках, и курды, и татары, и турки в чалмах. Они продавали свои пряности, «заморские специи» и фрукты из Азии.

Но увидел наш Нико и новый Тифлис, совершенно европейский, что расположился в равнинной части города. Начинался он с Эриванской площади и продолжался хорошо освещенным Головинским проспектом с величественным Дворцом Наместника российского царя на Кавказе и Штабом командования войск Кавказского военного округа. А неподалеку, на Гунибской площади, вырос громадный Военный собор в византийском стиле. Параллельно Головинскому проспекту двинулись и другие улицы, вверх, на Мтацминда, и вниз – к Куре, где на Михайловской, Елисаветинской, Александровской и Воронцовской улицах возвышались ампирные или ренессансные постройки двух и трехэтажных зданий. Здесь находились новенькие магазины,

музеи, всевозможные учебные заведения, банки, конторы деловых людей и доходные дома. А также – редакции газет и журналов, что выходили на грузинском, русском, армянском и других языках. Господа, гулявшие по Головинскому, по внешнему своему виду почти ничем не отличались от живущих в Париже или Петербурге, холодно демонстрируя модные европейские новинки. И если в старом городе карачохели запивали свою печаль кахетинским вином, то здесь аристократия потягивала французский коньяк под звуки французского шансона. «Кавказский Париж» – именно так называли тифлисы свой город. И коли кому выпадало счастье попасть сюда, волею судьбы или по службе, он тотчас же покорял всех своим неповторимым колоритом и духом. Не обошла эта участь и нашего Никалу. Этот удивительный город с его узкими улочками и широкими проспектами, отдал мальчику свою теплоту и привязал к себе навсегда...

«ТО, ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ, СТАНОВИТСЯ ТВОИМ МИРОМ»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Такие люди всегда вызывают восхищение – креативные, творческие, умеющие рисковать, готовые идти на самые смелые, рискованные эксперименты. Именно к такому типу личности относится Теа Рамишвили, основатель бренда дизайнерских носков и дизайнер компании «Мортули». Идея этого бренда возникла у нее во время частых поездок по Грузии. Там Теа узнала, что на протяжении многих веков наши предки создавали красивейшие, многообразные орнаменты, и это находило отражение в самых разных областях: в текстиле, произведениях живописи, ювелирном деле, гончарном ремесле в разных уголках страны. Будущий директор и дизайнер «Мортули» фотографировала, делала зарисовки этих орнаментов, с гордостью

осознавая, что Грузия обладает поистине уникальными, редкими ценностями.

Главная задача компании «Мортули» – создавать носки с рисунком, отражающим традиции каждого региона Грузии, радовать потребителей непревзойденной красотой, богатством выразительных средств и разнообразием древнего грузинского орнамента. И свою миссию «Мортули» вместе с талантливым художником Теей Рамишвили успешно выполняет!

«Все орнаменты мы берем из архивов и старых книг, мы сами их не придумываем, и на ярлыке каждого изделия указано, какого века и из какого уголка Грузии приведенный орнамент», – говорит дизайнер.

– Теа, расскажите, пожалуйста, о себе и своей семье. Где вы учились?

– Родилась я в городе Тбилиси. Детство мое было обычным – наверное, как у всех детей того времени, без всяких гаджетов и интернета. Зато было много живого и интересного общения со сверстниками. Рисованием я увлеклась с малых лет и последние два школьных года училась в художественном лицее, собиралась поступать в Академию художеств. Но это были 90-е годы, времена сложные и тяжелые, с отсутствием света, неизменными керосиновыми лампами, что не очень способствовало рисованию. И я решила, что изобразительное искусство останется моим хоб-

Теа Рамишвили

би. Так как я всегда любила читать и читала много, то решила стать переводчиком, поступила в Тбилисский государственный университет – по первому образованию я переводчик с русского на грузинский, с грузинского – на русский язык, филолог. Но жизнь сложилась так, что мне не довелось работать по специальности. Предложили работу в банке, я согласилась, но пришлось осваивать новую профессию, в результате чего я получила диплом магистра экономики. Рисование в те годы я совсем забросила, хотя к искусству и дизайну меня влекло

всегда, я читала много специальной литературы, посещала музеи и выставки.

Семья у меня очень дружная и творческая. Возвращаясь к своему детству, не могу не вспомнить деда по материнской линии. Он был человеком очень неординарным и талантливым. Будучи по специальности горным инженером, дед профессионально занимался черно-белой фотографией, был участником и победителем многих международных конкурсов. Мы много путешествовали по различным регионам Грузии. В доме у нас сохранилось множество прекрасных фотографий и слайдов. Именно дед привил мне любовь к искусству и путешествиям. Семья для меня – самое главное в

поняла, что это именно то, чего мне так не хватало все это время! Весь год я обучалась дизайну, затем фотографии, начала заниматься рисованием с педагогом, что было очень сложно при постоянной занятости в банке и заботах по дому. Но, наверно, когда у человека есть цель и огромное желание достичь своей цели, то появляются и силы. Мне очень повезло, так как у меня были прекрасные преподаватели и огромная поддержка семьи. В прошлом году я наконец-то решилась осуществить свою мечту и в 39 лет поступила в Академию художеств, в магистратуру, на факультет изобразительного искусства. Моя специализация в Академии художеств – станковая графика.

больше года приходилось спать всего по 3-4 часа и заниматься без выходных, но было настолько интересно, что я не чувствовала усталости. Встречи со многими интересными людьми в сфере искусства – с современными художниками, дизайнерами, фотографами, режиссерами, писателями стали для меня большим стимулом и школой. Они повлияли на мое мировоззрение. От новых своих знакомых я черпала что-то новое для себя. Каждый из них смотрел на искусство по-своему. Студенты, с которыми я занималась на курсах, тоже заряжали меня положительной энергией, в основном они были намного младше меня, и у всех было море эмоций, энергии и интересных идей. Во время учебы я сразу начала думать об уходе с работы и о собственном деле, которое было бы связано с дизайном или искусством. Так как я очень люблю путешествия и особенно туры по Грузии, вдохновением для меня стало посещение практически всех уголков нашей страны. Меня очень заинтересовали редчайшие древние грузинские орнаменты, которые создавались на протяжении многих веков. Они встречаются в древних рукописях, живописи, в текстиле, в ювелирных и керамических изделиях. Я решила перенести мотивы грузинского орнаментального искусства со всей его художественной красотой и богатством в современный дизайн и в нашу повседневную жизнь. Создала свой бренд «Мортули», что в переводе с грузинского языка означает «украшенный», «орнаментированный». Мы начали выпускать носки с уникальными грузинскими орнаментами разных веков и разных регионов нашей страны. Носки были неотъемлемой частью традиционной грузинской одежды с древних времен, их вязали из шерсти, украшали разноцветными орнаментами и называли «цинда». Я решила, что такие носки можно производить из хлопка и носить с любой современной обувью. Наш бренд довольно быстро стал востребованным, очень многим понравилась идея, что можно приобрести носки с орнаментом того или иного региона.

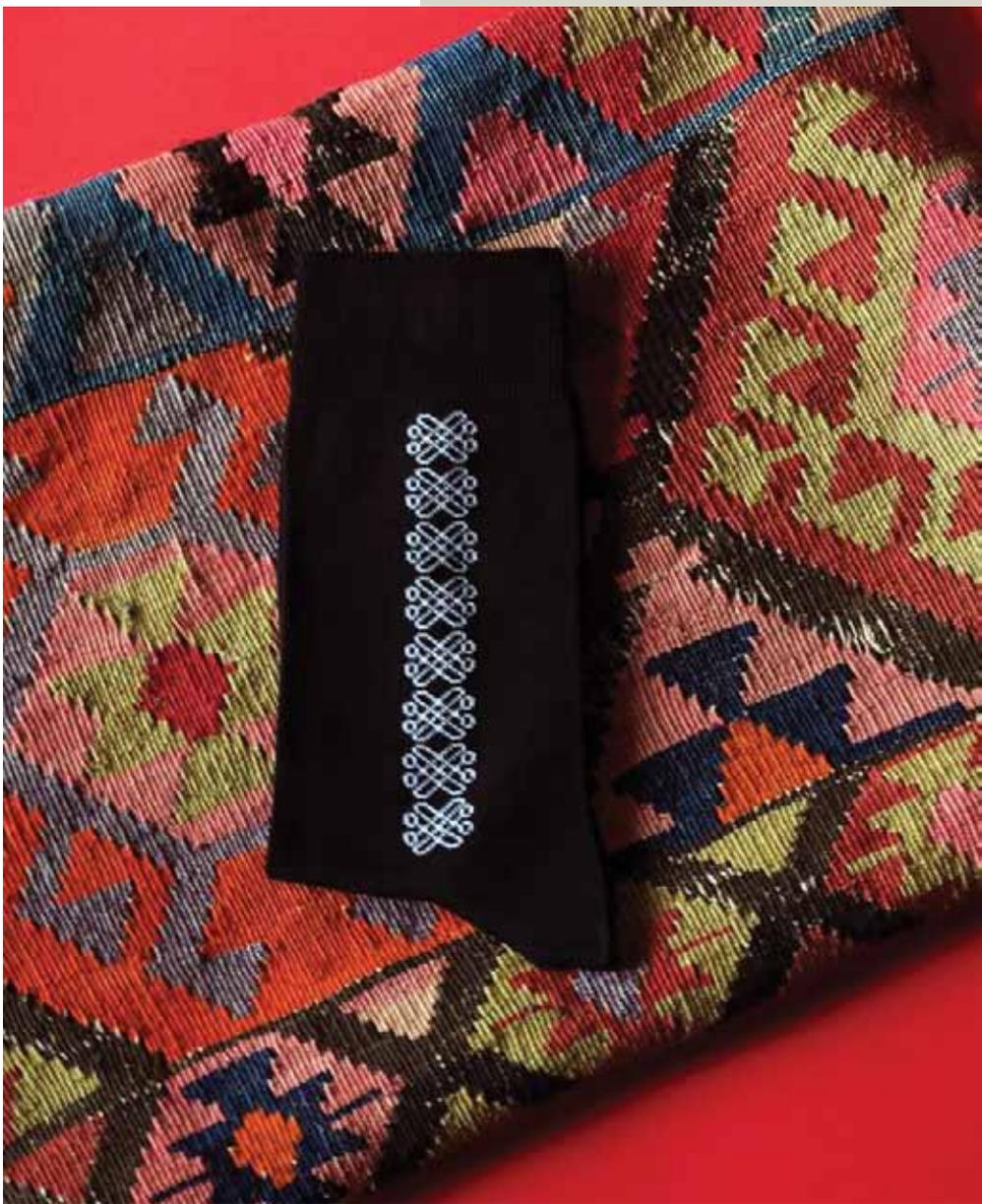
жизни по сей день, и это то, что меня вдохновляет и стимулирует.

– С чего началось ваше увлечение? Когда и при каких обстоятельствах это произошло?

– Успешно проработав в финансовой сфере пятнадцать лет, я тем не менее понимала, что это не то, чем я хотела бы заниматься всю жизнь, меня все время тянуло к искусству и дизайну. Два года назад решила пойти на курсы графического дизайна, наверно, сначала относясь к этому как к увлечению, хобби. Но с первой же лекции

– С какими трудностями вы столкнулись, овладевая своим нынешним искусством? У кого набирались опыта, знаний? На кого или на что ориентировались в своем поиске? Что стало для вас образцом?

– Главная трудность, вероятно, заключается в том, чтобы суметь перебороть себя и не бояться перемен, несмотря на возраст. Очень многие не решаются выйти из зоны своего комфорта и предпочитают жизнь без перемен, и даже готовы всю жизнь заниматься нелюбимым делом. Мне было в первую очередь сложно найти время на учебу,

– Какую вы ставите перед собой цель: ваши программ-минимум и программа максимум? В каком направлении вам хотелось бы развиваться?

– Моя главная цель – популяризация грузинских орнаментов как для жителей Грузии, так и для туристов. Мне кажется, что они немного подзабыты в современном обществе, и мало кто знает, как много уникальных орнаментов создавалось с древнейших времен по всей нашей стране. Мы не собираемся ограничиваться носками и хотим перенести орнаменты на майки, шапки, другие аксессуары и презентовать наш товар в других странах. Кроме популяризации своего бренда, я планирую продолжить учебу в Академии искусств, серьезно занимаюсь историей искусств, особенно меня привлекает современное искусство. В будущем собираюсь углубиться в эту тему. Хотелось бы также заняться преподавательской

деятельностью. Считаю, что образование – это самое главное для развития будущего поколения.

– Черный и красный цвета, как правило, вызывают в зрителе тревожные чувства. Вам как художнику больше нравится рефлексировать на тему положительных или деструктивных эмоций?

– Так как я учусь на факультете графики, а не живописи, и больше работаю с гравюрой и литографией, то в основном использую черный цвет, рисуя тушью, поэтому он не вызывает во мне тревожных чувств, думаю, тут многое зависит и от композиции. Вообще, считаю, что цвет каждый человек чув-

ствует по-своему. Любой цвет или оттенок воздействует на каждого конкретного человека специфически. Влияние или выбор цвета также, думаю, может меняться и с возрастом, и с настроением. Иногда мы хотим смотреть на что-то очень яркое и светлое, а иногда нас тянет к темному цвету.

– Откуда у художника берется творческая одержимость той или иной техникой или сюжетом?

– Считаю, что на творческую одержимость может влиять любая мелочь, например, просто прогулка в горах или прочитанная книга, встреча с интересным образом на улице. Помню, когда я училась фотографии,

нам советовали ездить в метро, гулять по городу, после чего я стала совсем по-другому все воспринимать, стала замечать мелочи, на которые раньше не обращала внимания, видеть много интересных лиц. В современном искусстве техника уже не имеет такого значения, как, скажем, в эпоху Возрождения. В современном искусстве нет преград и законов, можно использовать буквально все, не только кисти и холст. Сейчас очень популярна также фотография, мы даже не задумываемся, насколько каждый из нас связан с искусством. Просматривая каждый день социальные сети, мы видим столько рекламы, фотографий, которые влияют на нас положительно или негативно. В современном мире это тоже искусство, наряду с картинами, висящими в музеях или галереях.

– Приносит ли художественная деятельность вам постоянный доход?

– Художественная деятельность на данном этапе, когда я являюсь в одном лице и директором, и дизайнером своего

бренда, не приносит мне больших доходов, но дает необходимые средства для учебы и занятия любимым делом. Я могу сама делать эскизы дизайна, также сама фотографировать свою продукцию.

– Ваше самое яркое впечатление детства, повлиявшее на вас как на художника?

– Самое яркое впечатление детства было, когда родители привели меня – совсем маленькую пятилетнюю девочку в детскую художественную школу. Помню, как мне нравился запах красок и масла. Мастерская находилась в старом городе (Тбилиси), и мне казалось, что это самое прекрасное место на земле, а художники – самые счастливые люди, наделенные божественным даром отражения мира на бумаге или холсте.

– Что для вас красота?

– Красоту я могу видеть во всем, даже, на первый взгляд, некрасивом и страшном. Надо лишь понять и оценить индивидуальность конкретного мастера с учетом всех обстоятельств

его жизни. С возрастом у многих, думаю, меняется вкус и понятие прекрасного, и само это понятие красоты с каждым столетием очень сильно меняется. Для меня красота – это и природа, а может, и просто безделушка, купленная на блошином рынке. Мне кажется, что красота – это чувство того, как мы видим и ощущаем этот мир.

– Влияет ли настроение на ваше творчество?

– Настроение влияет на творчество художника. Бывают моменты, когда совсем не хочется ничем заниматься, но в такой ситуации надо переключаться на позитив, находить вдохновение, читать интересные книги, смотреть красивые фильмы, слушать музыку. Для художника картины – это воплощение его мироощущения и эмоционального состояния.

– Как окружающие реагируют на плоды вашего вдохновения и умения?

– Все в моем окружении очень положительно реагирует на мое творчество – без огромной поддержки семьи мне было бы очень сложно кардинально изменить свою жизнь, буквально начав ее с чистого листа, независимо от возраста. Уверена, что, когда человек очень сильно чего-то хочет, главное – верить в свои силы, и тогда все получится. Как сказал один философ: «То, во что ты веришь, становится твоим миром».

«ЖИГУЛЯМ» 50 ЛЕТ

■ **Леван ДОЛИДЗЕ**

Ровно 50 лет тому назад, 19 апреля 1970 года, с полуторакилометрового главного конвейера Волжского автозавода сошел первый самый дешевый в мире заднеприводной автомобиль «Жигули». За этот период в Грузии, как и в других республиках бывшего Союза, «Жигули» стали самым массовым видом городского транспорта. Начинаясь же АВТОВАЗ, как и все грандиозные стройки бывшего СССР, с директивы партсъезда, 27 июля 1966 года ЦК КПСС и СМ СССР приняли после очередного съезда постановление о строительстве в городе Тольятти, названном в честь вождя итальянских коммунистов, нового автомобильного завода-гиганта. И уже 1 августа руководство Минавтотранспорта СССР путем покупки оснастки и лицензии автоконцерна «Fiat» подписало контракт и генеральное соглашение с представителями этой знаменитой итальянской фирмы.

Так началась новая эра в истории советского автомобилестроения. Кстати, после испытания на автомагистралях и дорогах СССР предложенных моделей советским инженерам пришлось внести свыше 800 из-

менений в конструкции первенца завода. Так, например, заново был сконструирован двигатель «ВАЗ-21 01», прозванный в народе «Копейкой». Этим летом будучи в Республике Беларусь я встретил на ее дорогах (а автодороги в этой республике просто загляденье) автомобиль данной серии, он еще надежно служил своему владельцу(!).

Зарубежные специалисты, знающие толк в промышленном строительстве были тогда настроены весьма скептически и с иронией отнеслись к дерзкому плану – построить за 3-4 года на голом месте современный автогигант мощностью 660 тыс. автомобилей в год. Мировая пресса пестрела тогда сообщениями о том, что «Россия садится на колеса». Еще бы, в те годы в бывшем СССР насчитывалось всего 220 тысяч машин, а в США – свыше миллиона.

Строительство Волжского автогиганта было возложено на Куйбышевгидрострой Минэнергетики и электрификации. Было решено выпустить первую продукцию завода к столетию со дня рождения В.И. Ленина – 22 апреля 1970 года. Так начал твориться в жизнь один из самых сложных и грандиозных проек-

тов СССР. С огромнейшим нетерпением ждали новых машин АВТОВАЗа в Грузии, где любителей автотранспорта было хоть отбавляй.

Великая стройка действительно была великой и по масштабам, и по размаху, а также по вкладываемым средствам. Однако в ходе строительства, особенно на завершающем этапе, стало ясно, что в прежние сроки уложиться невозможно. Сказывались советская расхлябанность, неаккуратность, что явно удивляло тогда итальянских представителей автоконцерна «Fiat». Пошли штрафы и санкции за срыв графика контрактных работ. Чтобы не ударить лицом в грязь перед Западом, Центральный комитет КПСС издал в начале лета 1969 годы секретное распоряжение, согласно которому каждой советской республике предписывалось в срочном порядке командировать в Тольятти высококвалифицированных специалистов от инженера до каменщика.

Выполнение данного распоряжения ЦК Компартии Грузии возложил на Госкомитет СМ ГССР по использованию трудовых ресурсов, которым в те годы руководил блестящий организа-

Долгий путь к потребителю

тор и замечательный человек, ветеран войны с полководческими наградами Михаил Герасимович Чиковани, заместителем которого был человек-легенда, знаменитый подводник, Герой Советского Союза капитан первого ранга Ярослав Константинович Иоселиани. В тот период я работал там в качестве завсектором информации. Подбор специалистов грузинского отряда поручили мне.

За короткое время, как и предписывалось «сверху», был сформирован стройотряд из 100 человек из разных городов и районов Грузии. Это были лучшие мастера своего дела. Перед дальней дорогой нас напутствовали Первый секретарь ЦК КП Грузии, кандидат в члены Политбюро Василий Павлович Мжаванадзе, один из активных участников защиты блокадного Ленинграда, бывший в ту тревожную пору членом Военного совета знаменитой 42-й армии, а также отраслевой секретарь ЦК Реваз Яковлевич Пруидзе. Они подчеркнули, что на нас возлагается особая ответственность, и мы должны высоко нести честь

республики.

И вот спустя часы мы уже в Тольятти. Начало июля 1969 года. Встретили нас весьма радушно, расселили по общежитиям и повезли на экскурсию. Первое, что бросилось в глаза, масштабность строительства Волжского автозавода. Только

территория ВАЗа составляла 510 га, а общая развернутая площадь всех зданий и сооружений завода равнялась 2125 кв. км.! В его корпусах, объем которых был равен примерно 75 Исакиевским соборам или 10 Московским госуниверситетам, или 5 Волжским гидроэлектростан-

Конвейер запущен

Реклама «Жигулей»

циям, разместится около 16000 единиц наиболее современного оборудования. И все это разворачивалось в широкой русской степи, примыкавшей к тольяттинскому бору и Куйбышевскому водохранилищу. Будущий же город уже приобретал вполне современный вид. Все увиденное и услышанное поражило нас.

Как нам тогда рассказали, предшественником Тольятти был город-крепость XVIII века Ставрополь, который при строительстве Куйбышевского водохранилища был затоплен. Тольятти, прильнув к голубой полоске великой русской реки Волги, образовался на незатопленных местах.

На следующий день после нашего приезда в Тольятти грузинскую делегацию приняло, как мы тогда выражались, высокое начальство. Было отраднo услышать, что Грузинская ССР первая из всех республик выполнила распоряжение ЦК КПСС. Оказалось, что немало посланцев Грузии, кто по комсомольской путевке, а кто и добровольцем, уже успешно трудятся на стройке и хорошо себя зарекомендовали.

Нам с удовольствием рассказывали о бригадире маляров Ревазе Турманидзе, который с 1967 года работал здесь. Немалолестного было сказано в отно-

шении тбилисских монтажников Нодара Цкриалашвили, Барнада Гиоргадзе, Гиви Какабадзе, Якоба Шавлиашвили и др. Успешно трудились в СУ-12 Автозаводстроя студенты Грузинского института физкультуры Зураб Сопромадзе, Давид Дугашвили, Анзор Бахтадзе и многие другие. Здесь же работали и будущие педагоги из Телавского пединститута. У них была практика. В ходе теплой беседы зампартком Куйбышевгидростроя Геннадий Васильевич Суворов спросил меня: «Интересно, а сколько метров могут оштукатурить за смену ваши мастера?» Спросив об этом скромно сидящих в углу зала ахалцихских братьев Лери и Бондо Капанадзе, я назвал услышанную от них цифру. Суворов, удивившись моему ответу, начал переговариваться с своими коллегами, а затем вновь спросил: «Вы не ошиблись, когда назвали цифру 25?» Вновь спрашиваю наших, те подтверждают сказанное ранее. Я не слишком сведущ в штукатурных делах, не сразу понял, что удивило наших хозяев. Оказывается, у них хорошим показателем считалось оштукатуривание 6-8 кв. метров. А здесь мы назвали цифру в 3-4 раза больше.

Хозяева решили без промедления проверить способности

ахалцихцев. Загорелись и мы. Все направились к главному корпусу завода, где вовсю шли штукатурные работы, из-за которых часто срывался график монтажных работ.

Быстренько переодевшись, братья Капанадзе приступили к работе, и уже через минут 10 в воздухе замелькали мастерки, известковая смесь. Стена метр за метром покрывалась гладкой, словно отполированной штукатуркой. Они работали так слаженно, виртуозно и самозабвенно, что, казалось, здесь трудятся не штукатурки, а циркачи.

Восторгу наших хозяев не было предела. Вошли в раж и мы, поочередно поддерживали Лери и Бондо шутками, песнями и даже импровизированными танцами. За 8 часов с двумя небольшими перерывами наши герои выдали «на-гора» почти 28 кв. метров оштукатуренной площади, и сделали свое дело настолько высококлассно, что главный инженер Куйбышевгидростроя Дмитрий Еремеев, проверив на второй день качество штукатурки, не уставал повторять: «Да вы только посмотрите, что за чудо свершили грузины. Их штукатурка ровная, ровная, блестящая, как зеркало. Нам не надо будет наносить на нее малярку.

Сколько времени и средств этим будет сэкономлено!»

Так пошла гулять по Тольятти слава о грузинском стройотряде, который впоследствии неоднократно награждался и премировался. Но удивлялись не только наши хозяева, удивлялись и мы, когда воочию столкнулись с фактами, которые в Грузии не имели места. На третий день, в воскресенье, мы решили прогуляться. От общежития до Волги лежала широкая степь. Вдруг мимо нас с шумом промчались мужики. Видим, бегут все, даже не останавливаясь на наши недоуменные взгляды, вопросы. Побежали и мы, поддавшись инстинкту толпы. На ходу наконец-то удалось узнать у одного бежавшего, в чем дело. Вытаращив на нас глаза, он скороговоркой брякнул: «Вы что, с неба свалились? Не видите, пиво завезли!»

И вот тут-то мы заметили у бежавших в руках полиэтиленовые кульки, а в середине поля – грузовик с цистерной. Пиво разливали в кульки. Здесь же, в поле, наполненные пивом «небьющиеся сосуды» мгновенно опорожнялись. Пили из кульков и прямо с ладоней. Кто-то подарил нам заветный кулек, и мы изрядно вспотевшие, потянулись за благодатным напитком. Он был густым, ароматно-хмельным и приятного на глаз табачного цвета. От выпитого пива наши пальцы слипа-

лись, словно мы вкусили настоящий хаши руками. Все это было так спонтанно, для нас необычно, но весьма азартно и вкусно. Кстати, и по прошествии полвека такого вкусного пива мне уже нигде не доводилось пить.

Однажды один из членов нашего стройотряда, уже распределенного по многочисленным объектам, обратился ко мне с просьбой. Оказалось, что Сико Гиркелидзе, окончив географический факультет ТГУ, ныне учился в Тбилисской Академии художеств, приехал же он в качестве маляра. С собой у него были чеки собственного производства, которых тогда и в помине не было в тольяттинских кафе и столовых. Скромно попросил помочь ему в трудоустройстве в качестве оформителя культурно-бытовых объектов.

С этой идеей мы и направились к нашему знакомому Геннадию Суворову, с которым у меня сложились дружеские отношения. Захватили с собой, естественно, бутылку с чачей. Положив наш национальный «сувенир» на стол заместителя секретаря парткома, объединяющего свыше 40 тыс. членов партии КПСС стали излагать суть нашей просьбы. Он не дослушал нас до конца, он попросил дать попробовать чачи. Полный стакан опрокинул залпом. Сразу заблестели глаза. «Сейчас же ми-

гом все устроим», – восторженно произнес Суворов и прихватив бутылку, завел нас в кабинет начальства. Отрезал сходу: «Петрович, давай быстрее стаканчик, тут грузины такую водку привезли, аж прямо огонь...». Тот стал искать стакан, не нашел второпях... Схватил стоящий на столе пенал с карандашами и ручками, мигом высыпал содержимое и подставил для налива. Также залпом опрокинул и ахнул: «Ну грузины, счастливы, такую водку пьете!»

Как оказалось, чачу никто из них ни разу еще не пробовал. Естественно, вопрос Сико Гиркелидзе, был решен мгновенно. Уже позднее, когда я в очередной раз побывал в Тольятти, был очень рад успехам одаренного грузинского чекащика...

Самым большим праздником в Тольятти был день зарплаты. Праздником для пьющих, тревожный для членов их семей, а также – милиции.

Кстати, грузины в Тольятти в тот период котировались не только как первоклассные труженики, но и как первые и надежные партнеры местных блюстителей правопорядка. Недаром местная милиция упрасивала наших ребят оказать им помощь и содействие, агитировала их стать дружинниками.

...Каким будет легковой автомобиль ВАЗа? Этот вопрос волновал тогда всех автолюбителей.

Сборка первого автомобиля

Они собрали первый автомобиль

телей огромной страны по имени СССР. Кстати, старшее поколение хорошо помнит, что был объявлен Всесоюзный конкурс на лучшее наименование нового автомобиля и победителю обещали первенец АВТОВАЗа. В то время в Москву и Тольятти почта шла мешками, желающих стать обладателем вождя-автомобиля была чуть ли не вся огромная страна. Однако новый автомобиль так и не был вручен никому, как и не удалось установить авторство крестного нового автомобиля.

Легковая малолитражка была названа «Жигули». И об этом, кстати, первой сообщила республиканская газета «Заря Востока». Произошло это следующим образом. Находясь в очередной командировке в Тольятти по делам нашего стройотряда, я поинтересовался у генерального директора ВАЗа В.Н. Полякова, о том, как будет назван первенец автогиганта. Мне несказанно повезло с его ответом.

«Как раз сейчас проходит заседание комиссии, которой руководит главный инженер ВАЗа Евгений Федорович Башинджагян. Между прочим, он ваш соотечественник, родом из Грузии», —

ответил гендиректор. Так я в этот же день познакомился с Евгением Башинджагяном. Было откровенно узнать, что столь высокую и почетную должность занимал наш земляк, он вырос и учился в Тбилиси, в ГПИ, со второго курса перевелся в Москву, где продолжил учебу. Затем работал в столичном проектно-институте, после — назначение в Тольятти. Двухгодичная стажировка в Турции и Милане. И опять Тольятти.

Евгений Башинджагян сообщил, что только что на заседании комиссии было решено назвать первенец АВТОВАЗа «Жигули», и так получилось, что из журналов я узнал об этом первым и также первой в СССР об этом написала тогда республиканская газета «Заря Востока», опубликовавшая мой материал из Тольятти. Небезынтересно отметить, что вскоре Е.Ф. Башинджагян был назначен заместителем министра автомобильной промышленности СССР. Кстати, он потомок знаменитого нашего соотечественника живописца Геворка Башинджагяна (1857-1925).

Выпуск первенца Волжского автогиганта был приурочен к 100-летию со дня рождения вождя революции Владимира Ильи-

ча Ленина — 22 апреля 1970 года. Автомобиль сошел с главного конвейера завода в канун юбилея 19 апреля, сверкая необычно яркой краской под радостные возгласы тысяч советских тружеников, вложивших свой труд в строительство этого чудо-завода. В числе почетных тружеников завода — представители Грузии. По громкоговорителю с утра того весеннего радостного дня разносятся слова диктора, который называет поименно ударников труда. Среди них — руководитель стройотряда Гиви Шанидзе, тбилисские инженеры Джумбер Метревели, Гиви Ревазишвили, Важа Торадзе; бригадиры — И. Хубеджишвили, Г. Микаэлян, Р. Бежиашвили; маляры — В. Бартия, И. Шенханджинов; электросварщик — Т. Очхикидзе, который отличился и в спорте, став чемпионом Тольятти по вольной борьбе в среднем весе; штукатуры — Лери и Бондо Капанадзе, Резо Куртанидзе из Ахалцихе, Гиви Авалиани из Вани, Бухути Джинчарадзе из Самтредиа и другие.

Несмотря на огромный фронт работ 60-тысячный коллектив сумел уложиться в сроки (правда, это обошлось бывшему СССР намного дороже, погово-

ривали, что чуть ли не в 4-5 раз больше первоначальной стоимости АВТОВАЗа, которая равнялась 400 миллионам долларов США. В том юбилейном году было выпущено 28 500 машин. А всего за полвека АВТОВАЗ выпустил более 30 миллионов легковых автомобилей.

Первые «Жигули» ВАЗ-2101, прозванные в народе, как мы уже отметили выше, «Копейкой», появились в Грузии в середине лета 1970 года. Его обладателями стали передовики Волжского автогиганта. Стоимость «Жигулей» была тогда 5 500 советских рублей. Однако, как помнит старшее поколение, достать вожделенную машину можно было по большому благу или же переплатив 2-3 тысячи рублей. Постепенно СССР пополнялся разными модификациями продукции Волжского автогиганта, который вскоре вышел на полную мощность. Это – все запланированные и вновь разработанные модели: «Нива», «Лада», «Калина», «Самара» (кстати, городу Куйбышеву вернули его прежнее название – Самара) и др. Так, легковые автомобили марки «Жигули» стали основным транспортным средством для миллионов граждан СССР. И даже в наши дни новая модификация легкового автомобиля «Лада Веста» стала второй по популярности машиной в России впервые с момента выхода модели на отечественный рынок. Этой модели сопутствовал выпуск современных легковых машин кроссовера «Лада х-гау», «Лада гранта», «Лада ларгус», «Лада 4х4», «Лада Приора» и др.

Кстати, по качеству производимых транспортных средств АВТОВАЗ занимает 15 место (вместе с другими российскими автопроизводителями) в мире. В РФ Волжский автогигант был и остается крупнейшим производителем легковых машин.

В Европе Волжский автогигант прочно удерживает второе место после Германии. Хотя на долю России сегодня приходится приблизительно 3% из общего количества производимых в мире легковушек.

В нынешнем году немало юбилейных дат из истории советского автомобилестроения. Пожалуй, будет уместно здесь

вспомнить рождение первого американского джипа фирмы Виллис – это было в 1940 году 13 ноября. До конца Второй мировой войны знаменитая фирма выпустила 361 тысяч единиц. Из этого количества СССР в годы Второй мировой войны получил по лендлизу 51 тысячу машин, что оказало СССР большую помощь в оперативном передвижении командно-офицерского состава Красной армии.

70 лет назад в СССР появился седан представительского класса «Зим», а полвека назад – на смену легковому автомобилю – «танка», как прозвали эту модель седана среднего класса «Волга ГАЗ-21» за особую прочность, был выпущен тем же Горьковским автозаводом, как говорится, массовым тиражом – «ГАЗ-24».

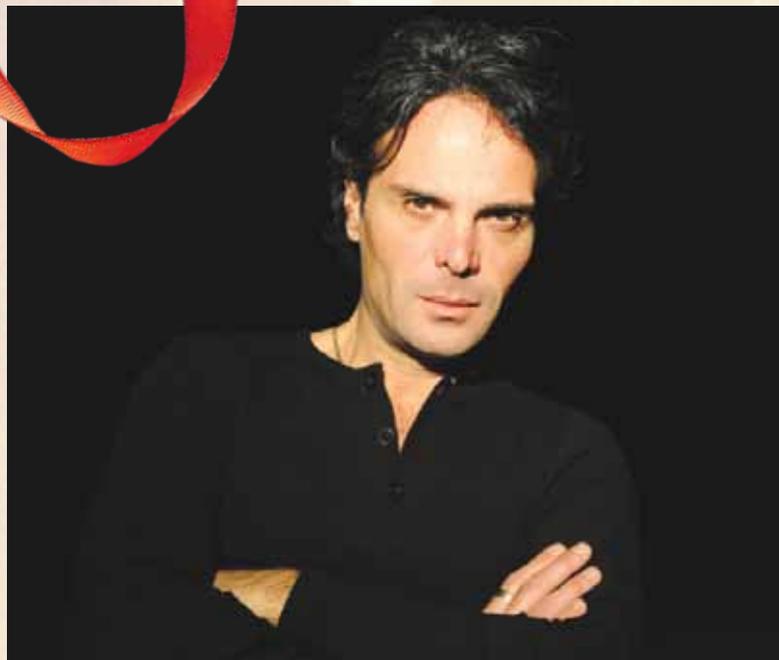
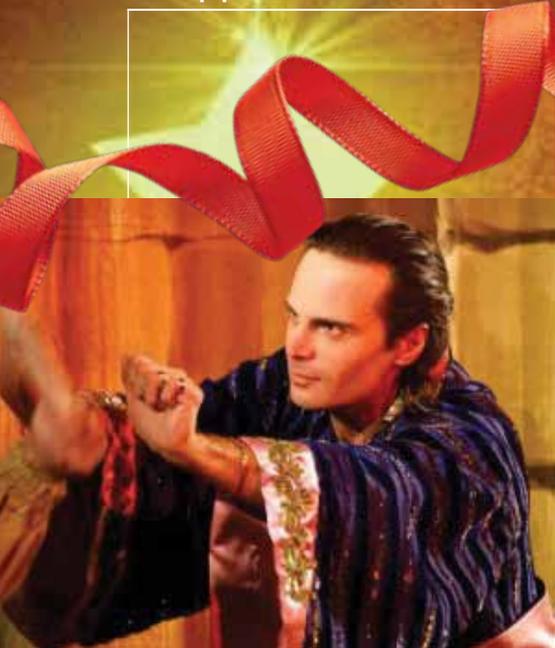
В связи с выпуском отечественных автомобилей в народе сохранились несколько забавных историй. Когда после войны в СССР в 1946 году подготовили к массовому выпуску более комфортабельный легковой автомобиль на смену знаменитых и легендарных «ГАЗ-М-1», прозванных в народе «ЭМ-кой», естественно, специально пригласили И. В. Сталина, который внимательно ознакомился с новинкой советского автопрома, а затем спросил, как ее назвали. Ему ответили: «Родина». Сталин посмотрел на министра автомобильной промышленности и спросил: «И за сколько вы собираетесь продавать «Родину»?...

Так появилась «Победа М-20». Кстати, она стоила 16 000 советских рублей. Шахтеры и горняки были в состоянии их купить на зарплату за 2-3 месяца. Что и сделал вскоре знаменитый шахтер номер один в СССР Алексей Стаханов, которому Сталин предоставил квартиру в известном правительственном доме на Набережной, а Хрущев после Сталина выселил его из этого дома. Аналогичным образом пригласили вождя и отца всех народов показать другой новый советский автомобиль «Москвич». Сталин осмотрел машину, сел рядом с водителем, а затем пригласил сесть в машину директора завода. Тот покраснел, сразу понял оплошность – машина была двухдверной, не мог же он попросить Сталина выйти из машины, чтобы сесть самому.

Уместно будет в этом материале упомянуть красноречивый факт. В 1958 году советским создателям «Волги ГАЗ-21», «Чайки ГАЗ-13» и грузовика «ГАЗ-52» на Всемирной выставке в Брюсселе присужден в 1958 году Гран-при. Да, были успехи в автомобилестроении у СССР...

Время быстротечно. Сегодня в Грузии на ее автострадах и городских улицах взамен некогда престижного автомобиля «Жигули 2101» уже давно комфортно себя чувствуют престижные иномарки передовых автофирм мира – автопродукция Германии и США, Японии и Франции, Кореи и Италии...

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

ВСЕГДА МОЛОДОЙ ЗУРАБ ЧИПАШВИЛИ ОТМЕЧАЕТ ЮБИЛЕЙ

Пятьдесят?! Эта юбилейная дата так не вяжется с образом стройного, подтянутого, всегда молодого, чуть ироничного Зураба, точнее – Зуры Чипашвили! Про него никогда не скажешь: мужчина пятидесяти лет. Скорее – молодой человек! А еще в Зуре подкупает его спокойная уверенность в себе, самодостаточность. Для него словно не существует неразрешимых проблем – с любой задачей он справляется легко и играючи. Во всяком случае, именно такое создается впечатление, когда сталкиваешься с Зурой в работе или при каких-то обстоятельствах, если нужно быстро принимать решение. Что и говорить, надежность – прекрасное качество настоящего мужчины! И оно ценится окружающими – в том числе в Грибоедовском театре, где актер служит не один год.

Разумеется, этим качеством не исчерпывается образ нашего юбиляра. Мы всегда рады видеть Зуру на сцене! И тут он, разумеется, иногда расстается с имиджем неотразимого мачо – например, в спектакле «Ревизор» в постановке Авто Варсимашвили, в котором актер предстает в комедийно-гротесковой роли Добчинского... чтобы буквально через несколько дней превратиться в невозмутимого и загадочного мафиози Паравичини из «Английского детектива» А. Кристи. А потом – в заносчивого, самовлюбленного Нарцыса Константиновича из «Нахлебника» И. Тургенва или эlegantного Ворона из спектакля для детей «Снежная королева» – здесь Чипашвили демонстрирует свое умение петь и танцевать. Вспоминаются и другие его роли – более ранние: Эрнесто Регала из спектакля «Любовь и деньги» Э. Лабиша и М. Бернье-Маринье, Мишель из постановки по произведениям А. Чехова «Жизнь прекрасна!», Валер из мольеровского «Тартюфа».

Желаем Зуре новых интересных и неожиданных ролей! И всегда оставаться таким же молодым, ярким и неотразимым, как сегодня!

НОВЕЛЛЫ

■ Анаида ГАЛУСТЯН

ВЕНИК

У меня сломался веник, без которого дом - не дом, несмотря на наличие пылесоса. У веника своя функция, он удобнее, поэтому больше работает. Особенно в моем семействе со всеми животными, повзрослевшими детьми с их многочисленными гостями, мужем с тарелкой у телевизора, моими гостями... В общем, с веником я не расстаюсь, разве что не летаю на нем.

Приобрести такое чудо нынче не проблема – выбирай на любой вкус, форму, цвет и цену. Короткие, длинные, с совками и без – все красивые. Но эти новые метелки мне как-то не очень нравятся в нашем общем деле. Вроде красивая метла, новенькая – а не метет. Поэтому предпочитаю традиционный веник из перевязанных сухих и гибких палочек, которые огромными охалками носят по дворам и громко зывают: «Веник, веник, цоцхи, цоцхи!» Что называется, с доставкой на дом. Я стала прислушиваться, чтобы не

упустить продавца, но они люди пунктуальные и работающие – не подведут. С утра во дворе уже кричали: «Картошка, картошка!», «Зелень, зелень!», «Мацони, мацони!» Это жители из соседних деревень приезжают «на работу», в основном – азербайджанцы. Я обычно перекидываюсь с ними несколькими заученными фразами на азербайджанском – они радуются, стараются и в нашем дворе кричат особенно громко, поглядывая на мои окна.

Вдруг зазвучало долгожданное «Веник, веник, цоцхи, цоцхи», и я побежала вниз. Чернявый продавец снял с плеча тяжелую связку, развязал и стал выбирать вместе со мной. Наконец, выбрали «самый крепкий», как он сказал. Я расплатилась, поблагодарила и спросила:

– Значит, говоришь, хорошо будет мести?

– Конечно, – серьезно ответил он, – еще спасибо скажешь Абдулу. А свекровь у тебя есть? – вдруг сообразил он и подхватил мой шуточный тон.

– Зачем спрашиваешь?

– Ну, можно моим веником..., – он помахал им над головой и рассмеялся.

– Нет, – ответила я, – к сожалению, нет свекрови.

– Да, жаль, – засмеялся он.

– Ничего, – продолжила я, – муж есть! Мужа можно?

– Можно, можно, – захохотал он.

– А, видно, по себе знаешь!

Абдул от души посмеялся, связал свою ношу и ушел. А я пошла с улыбкой и новым веником домой, думая: «Вот это – мой Тбилиси...»

ГОРЯЧИЙ ХЛЕБ

Не знаю, как у вас, а мой день начинается с аромата хлеба – вкусного, греющего душу, родного. Аромат постепенно усиливается, становится как-то спокойно, и мы с моим верным псом идем на этот самый вкусный в мире запах. Ведь распространяется он не из кухни, а из расположившегося неподалеку тонэ. Этот наш каждодневный путь почему-то уводит в детство. Кадр за кадром бегут воспоминания: магазин под домом с надписью «Булочная», в руке сжимаю рубль, боясь потерять и повторяю в уме: «Полтора хлеба». Это моя первая в жизни самостоятельная покупка. Магазин просторный: стоят контейнеры с хлебом, накрытые целлофаном, подвешены специальные вилочки, чтобы можно было «пощупать» хлеб и определить его свежесть. Кассирша разрезает буханки пополам - неровно, но никто не возмущается. Мне неудобно взять большую половинку, поэтому беру маленькую. Возле кассы – полки с булками и рожками, большими и маленькими, французские булочки. Беру себе слойку, – сестре с повидлом. Еще мне нравился кирпичик кисловатого ржаного хлеба. А вот тонэ поблизости не помню, просто не было такого бизнеса. Но хлеб в магазине был и назывался «грузинским». Бабушка нарезала его на кусочки и складывала в специальную «хлебную кастрюлю». Такого вкусного грузинского хлеба, как у бабушки, нигде не было. Горячий хлеб, в кото-

ром плавилось нежное масло, и ароматный чай из старинных стаканов в подстаканниках – самое вкусное воспоминание из детства, не сравнимое ни с какими деликатесами. Как и запах той «Булочной» из детства. Кто тогда мог подумать, что в кошмарные 90-е здесь развернутся настоящие баталии, хлеб станет роскошью и будет выдаваться по талонам, а в очередях будут гибнуть пожилые и больные люди? Весь этот кошмар запечатлелся в одной картине: мама, вырвавшаяся из магазина и толпы озверевших людей с огрызком хлеба и без пуговиц на пальто...

В нашем тонэ я всегда первая покупательница. Добродушные пекари здороваются издали, приглашают зайти и посидеть. За дверью сидит мой пес, принимающий и ждет. Я слежу, как в печь подкладывают дрова, пахнет древесиной и дымом, ловко разделяют тесто на кусочки, придают им удлиненную форму, перекалывают на специальную твердую подушку и лепят к стенкам тонэ. Это «шотис пури», в глубокой древности его приносили идолу Армази взамен человеческих жертв. Наконец, хлеб готов, и мне вручают самый румяный «шоти» с хрустящими кончиками. Хлеб дымит, обжигает руку и просто невозможно не отломить от него кусочек.

Иногда в тонэ отправляет Сандрик. Вот и сегодня мы

ждем гостей, и сын идет за хлебом. «Принеси самый румяный, непропеченный не бери и не обрывай хвостики», – предупреждаю я. Он отрывается от компьютера, ворчит, но идет. Возвращается нескоро.

– Ждал румяную партию для тебя, – смеется он. – Я передал пекарям твои пожелания: чтоб румяный, пропеченный, с хрустящими кончиками, а они завели меня, чтобы я сам выбирал. Вот выбрал. Пекарь смотрел, смеялся и сказал: «Ты только жену так не выбирай, а то всех красавиц разберут».

Мы долго смеемся, в доме пахнет хлебом и на душе становится тепло. Ведь это – мой Тбилиси.

ПЕЛАМУШИ

Обожаю традиционное густое и очень калорийное грузинское лакомство – пеламуши, которое готовится из натурального виноградного сока и муки. Все это варится, размешивается, чтобы не осталось ни одного комочка и получается сладкая виноградная каша. Виноград люблю черный, поэтому для меня вкуснее и красивее пеламуши из темного сока. Сладость получается темно-розовой, светло-фиолетовой или лиловой в зависимости от сорта винограда. Каша выкладывается аккуратным кружочком на тарелки, расплющивается, разглажива-

ется, охлаждается и подается к столу. Мне нравится, когда добавляют орехи и калории приправляются!

Так как виноделов в моей семье нет, я никогда не готовила пеламуши сама, а угощалась у родственников, друзей, соседей – все знают о моей слабости и перед уходом вручают пакетик с лакомством «на завтра». Но никто не готовил это блюдо лучше моей бывшей соседки Эки...

Она жила в квартире напротив в большой многоэтажке в Дигоми, куда я переехала, выйдя замуж, и где прожила 4 года. Даже не помню, как мы познакомились – она словно была всегда, готовая чем-то помочь, угостить, пригласить, посидеть с крошкой Анкой. Жила Эка в большой и шумной традиционной семье с мужем, его родителями и двумя детьми. Свекор и свекровь должны были присутствовать при всех наших разговорах и звали ее домой, если она чуть засиживалась у меня. Но жили они дружно, Эка жаловалась редко и любила, когда я подшучивала над ее любознательной свекровью Мери. Однажды мы решили сделать в ванной ремонт и установить вместо обычной ванны душевую кабинку. Когда все было сделано, Мери пришла посмотреть и очень удивилась:

– И ты здесь помещаешься? – спросила она, распахнув

дверцы кабинки.

– Конечно, тетя Мери, – ответила я, – даже вместе с мужем.

Эка покатила со смеху, а Мери поспешила домой, оценивая степень опасности дружбы ее добропорядочной невестки со мной...

Однажды мы с Анкой собрались в Грецию навестить мою сестру и познакомиться с родившимся племянником. Эка загрустила.

– Ничего, не на всю жизнь, – сказала я за нашим традиционным кофе. – Лучше приготовь в день моего приезда пеламуши!

Время летело быстро. Вскоре мой племянник стал походить на человечка, Анке исполнилось два года, а соседи моей сестры стали со мной подолгу болтать, несмотря на мой скудный греческий. Но вперемешку с английским все получалось очень душевно, ведь главное – желание.

– Я два года живу в этом доме, и никого не знаю, – удивлялась сестра. – Здесь не принято сближаться с соседями.

Но я этого не понимала. Или не хотела понимать. На одной лестничной площадке с нами жила семья. Женщину звали София, мужа не помню как, но помню, как он ночевал на подъездной лестнице, когда опаздывал домой – София не открывала двери. Взрослые дети встречались мне редко. Они бесшумно проскальзывали в свою дверь и никак на нас не реагировали. Но если дома мы громко смеялись, кто-то начинал стучать в стенку. «Тихо, – предупреждала меня сестра. – Сейчас меси-мери (отдых) и может приехать полиция». По-моему, отдых был всегда, а полиция приезжала по поводу и без. Как однажды чуть не оштрафовали сестру из-за моего купальника. Как оказалось в дневное время нельзя было ничего вывешивать со стороны центральной улицы. Ветки разворачивались внутрь балкона. Куда мне до таких заморочек!

Наши с Софией балконы разделяло матовое стекло. По утрам она пила кофе, курила и... не здоровалась. Однажды я не выдержала, высунула голову, улыбнулась и сказала:

– Ясас, кирия София! (здрав-

ствуйте, г-жа София).

– Ясу, – ответила она, удивилась и улыбнулась.

– Да оставь ты ее в покое! – кинулась на меня сестра, но я была уверена, что «в мире все зависит от капельки тепла».

Потом я успела выкрикнуть приветствие до того, как хлопнула ее входная дверь. И так каждый день. Вскоре она начала здороваться, как и все остальные соседи. Нами заинтересовались, стали спрашивать, откуда мы, как зовут и сколько лет Анке, дарить ей конфеты и монетки на сладости, приглашать в гости! София даже угостила меня стаканом воды! Сестра смеялась и говорила, что я совершила революцию, а после нашего с Анкой отъезда рассказывала, как люди спрашивали, куда мы подевались. «Вот видишь, – говорила я, – люди – они везде люди».

Мы приехали поздно, уставшие и довольные. Отрываться от сестры с племянником было очень тяжело, но нет ничего лучше возвращения домой. Я очень соскучилась по Эке и предвкушала завтрашнее утро, нашу встречу с традиционным кофе и то, как она обрадуется подаркам. Анка уснула, мы болтали с мужем о нашей греческой эпопее, когда раздался стук в дверь. На пороге стояла моя Эка с огромной тарелкой еще не остывшего пеламуши...

Это – мой Тбилиси.

ВСТРЕЧА

Не люблю туннели, лифты, самолеты и тбилисские маршрутные такси. Это самый непредсказуемый вид транспорта, а таксисты – самый неадекватный народ. Правда, одна радость – появились новенькие маршрутки, ярко-желтые, жизнерадостные, и в пекло иногда включаются кондиционеры. Мне повезло: в моей новенькой маршрутке работал кондиционер, а ехать надо было через весь город к заболевшей подруге. Водитель лихо обгонял, резко останавливался, громко ругался – все как всегда. А за окном грустил Старый город с непонятными новостройками и мостами, некогда веселый район Пески или Рике.

Раньше над Рике поднимался дымок и аромат шашлыков. Тбилисцы любили это место, приходили с семьями, друзьями, гостями, чтобы погулять, отдохнуть, угоститься. У каждого был свой любимый ресторанчик. Здесь же праздновали День города – Тбилисоба, с народными гуляньями, песнями и плясками. А теперь часть территории украшает недостроенный концертный зал в виде труб, вызывающих недоумение, а с другой стороны разбили европейский парк с канаткой и памятником Рейгану, которому и не снилась такая большая честь – сидеть на берегу Куры...

Наверно, это хорошо, когда город растет, хаотично строится, тратятся огромные суммы

на реализацию чьих-то архитектурных фантазий, и жизнь приобретает сюрреалистический характер...

Любование городом и мысли прервал поднявшийся в маршрутку пожилой человек в застиранной куртке, которого провожал такой же седой мужчина, видимо, друг. После долгих споров он расплатился за нашего пассажира, они обнялись, распрощались и маршрутка нервно рванула дальше. Водители не любят, когда их задерживают и долго ворчат. Пожилой человек с трудом удержался на ногах, извинился и сел напротив меня. Тут он посмотрел на женщину, сидевшую рядом со мной и широко улыбнулся.

– Ой, – воскликнула и разволновалась женщина. – Откуда ты взялся? Наверное, сто лет не виделись!

Их искренней радости не было конца. Все пассажиры, ставшие невольными свидетелями радостной встречи, с интересом привстали или обернулись и заулыбались. То, как школьные друзья стали общаться, вспоминать, расспрашивать друг друга и смеяться было очень трогательно. Не раз замечала, как радость преображала людей, разглаживала лица, молодила.

«Какие простые вещи нужны для радости, – подумала я. – Крыша над головой, родные лица, работа, хлеб, доброе слово, хорошая книжка, накормленная дворняга, приятные встречи...». Мои родители были радостнее меня. Может, потому, что радостно – это когда всем относительно хорошо. По-моему, печального в жизни больше. Даже от радости можно грустить. Разве бывает грустная радость? Может, она просто быстро проходит? Или, может, потому, что уже есть потери и боль... Стараюсь найти баланс между печальным и смешным – так и живу. Но мои родители (и не только мои) определенно как-то больше смеялись. Легче жили, что ли? Или теперь все так видится с высоты прибавившихся лет и из другой жизни? А у нас проблемы. Мы суетимся, ищем смысл жизни и свое место в ней. Может, не нужно ничего усложнять? Добро должно

побеждать зло. И в нас, и вокруг. Вот и все.

Маршрутка резко остановилась, одноклассники стали прощаться. «Джинджер и Фред», – почему-то пронеслось в голове. Выходила женщина, а друг детства кинулся ее провожать, предупредив водителя, что сам за нее заплатит. Она застенялась, поблагодарила, вышла, и все стало обыкновенным.

Тут и наш герой засобирился. Попросил остановить, сосчитал мелочь и тихо сказал водителю:

– Тут немного не хватает, на хлеб оставил, пенсия завтра. Прости, сынок!

– Ничего, – пробурчал водитель, взял деньги и рванул дальше.

Пожилой человек побрел к дому, наверно, довольный тем, что несколько секунд пробыл достойным и галантным кавалером. Совсем как когда-то. И как принято в моем Тбилиси.

ДОН КИХОТ И САНЧО

Кроме городских рынков, супер, гипермаркетов и обычных лавок, в моем городе существуют передвижные базары. Обычно это самодельные тачки с овощами, фруктами, торчащими вениками и швабрами, которые толкают два горемычных мужика. Они останавливаются у дворов и начинают звать покупателей. Бродят до вечера, пока все не продадут. В дождь над тачкой раскрывается огромный пляжный зонт.

К нашему магазинчику постоянно подкатывала такая тачка с двумя смешными «бизнесменами» – пожилым и молодым. Один был худой, длинный и немного безумный, а второй – маленький, круглый и простодушный. Мы называли их Дон Кихот и Санчо. Они останавливались посреди тротуара и начинали вопить: «Базари, базари!» Вокруг них собирались люди, подключались и наши покупатели, которые просили все взвешивать.

вать на магазинных электро-
весах. Открывался настоящий
базар! Иногда это выводило из
себя, но мы жалели наших муж-
жичков и терпели.

Однажды я вышла из мага-
зина в расстроенных чувствах
из-за кляузных покупателей и,
отойдя уже далеко к набереж-
ной, заметила, что оставила там
сумку с деньгами. К тому же я
опаздывала в школу на детский
праздник. Нужно было возвра-
щаться.

Тут послышался скрип и из-
за угла показалась знакомая
нелепая тележка с моими муж-
жичками. Они улыбались, види-
мо, довольные торговлей и со-
бирались, как всегда, со мной
поболтать и пошутить, но тут за-
метили, что я не в настроении.

– Что случилось, швило?
участливо спросил старший –
Санчо.

Мне не хотелось грузить их
своими проблемами. Обычно
люди не понимали, как у вла-
дельцев собственного магазина
вообще могли быть проблемы.
Но я не сдержалась, да еще до-
бавила про сумку.

– Бессовестные, чтоб они не
радовались, – запричитали они.
– А за сумкой идти не надо. Где
находится школа?

Я подумала, что меня хотят
прокатить на тачке, и мне ста-
ло смешно. Тот, что помоложе,
Кихот, смеясь, побежал к до-
роге, остановил такси, распла-
тился и меня чуть ли не силой
втолкнули в машину, впихнув в
руку купюру на обратный путь.
Таксист рванул вперед. Я обер-
нулась. Двое почти незнакомых
мне мужчин, чумазных, лохма-
тых, полунищих и улыбающихся,
катили свою тачку и радостно
махали руками. В это мгнове-
ние они были настоящими ры-
царями. Я еле сдержала сле-
зы. Но ведь это мой Тбилиси.

ПЛЯЖНЫЙ МАЛЬЧИК

У моря должен быть песок,
теплый, мягкий, чуть шершавый,
как руки моей бабушки. Камни
не люблю, от них больно и не-
удобно, а морское дно с глыба-
ми кажется страшным. Вообще,
море вызывает во мне смешан-
ное чувство восхищения и стра-
ха, как картины Айвазовского.

Особенно, когда долго и ярко
сидит солнце и вдруг стано-
вится темно, холодно и неуютно.
А еще страшен черно-серый
морской пейзаж в непогоду...

Мне нравится раннее утро,
когда пляж пустой, тихий, от-
дохнувший, море спокойное,
ласковое, прозрачное и, как ни
странно, теплое. Видны стай-
ки мелких рыбешек, скольз-
ких, юрких, радующихся своей
подводной жизни. Небо ясное,
глубокое, бесконечное, туго на-
тянутое, как холст, без единого
облачка. Легкие волны подбе-
гают к ногам, пенятся, уносят
песок и зовут поплавать. Плы-
вется легко и спокойно, гори-
зонт все шире, море глубже,
городок с людьми где-то далеко
за спиной. Но в какой-то момент
становится не по себе и хочет-
ся вернуться. Нет, не привле-
кают меня красоты подводного
мира и в хлорированной воде
бассейна как-то уютнее. Пока
плыву обратно, выплескивается
солнце и разливают свой жел-
тый свет, тепло, будит городок,
людей, рождает суету – и все
начинает выглядеть по-другому.

Просыпаются ленивые доро-
гие отели и симпатичные коттед-
жи, вырастающие в последнее

время, как грибы после дождя
– в стране развивается туризм.
Домишки попроще принимают
«дикарей» – простой люд без
претензий на вид с балкона и
морских деликатесов на за-
втрак. Распахиваются массив-
ные ворота с видеонаблюдением
и скрипучие деревянные
калитки, и самые разные люди
идут разными походками на
один для всех пляж, даже если
он частный, к общему Черному
мору. Для одних любезно рас-
кладывают топчаны, раскрыва-
ют пестрые зонты, другие сами
расстилают полотенца, надева-
ются очки, шляпы, выжимают-
ся кремы для загара – все на-
чинают по-своему отдыхать и
общаться с морем. Кто-то сразу
бежит к воде, в основном это
дети. Поднимается крик, писк,
надуваются круги, матрасы,
разные надувные звери – ис-
креннему восторгу нет конца.
Одни начинают что-то жевать,
другие курить, третьи кому-то
звонить, а для местных жителей
пляж – это рабочее место. Вот
и они – загорелые, в смешных,
огромных, похожих на сом-
бреро, шляпах, неопрятные, с
мешками, подносами, шарами,
ракушками, сумками термоса-

ми, обвязанные бананами, – начинают наматывать километры туда-сюда по всему пляжу до самого вечера, пока не останутся сил кричать и не продается последняя булочка, пирожок, кукуруза, мороженое, бутылка пива или минералки. Зрелище печальное. Но это их сезонная работа, другой в маленьком прибрежном городке нет. Некоторые специально приезжают на сезон, как наш Гела – молодой, одинокий и нищий парень из какой-то богом забытой деревни, где голодают старики-родители, больные и горемычные, потерявшие старшего сына. Гела зарабатывает, как может, летом на море, зимой на горнолыжном курорте Бакуриани. Тяжело ему, но он не жалуется, а только добродушно улыбается, любит пообщаться, пошутить, и у него хорошее чувство юмора и светлые, лучистые глаза. Над ним подшучивают, посмеиваются, но он молчит, иногда шутит в ответ и делает свое дело. Мои дети его любят, ждут, когда он покажется, загорелый, стройный и крепкий, и называют «наш пляжный мальчик». Он останавливается возле нас, радуется встрече, ведь мы знакомы не первый год. Говорит он быстро, странно, с акцентом, часто непонятно. Но мы общаемся.

Вот и на этот раз идет со своими бананами, всякими хрустичками и булочками, но не кричит, как обычно. Грустит. Еще рано, людей мало. Он здоровается, присаживается рядом, смотрит на поблескивающее в лучах солнца игривое море и молчит.

– Ты не плаваешь? – спрашиваю я.

– Утром рано и ночью, до и после работы. Хорошая сегодня погода, – он смотрит куда-то далеко в небо, – дождя еще долго не будет.

Дождь для него катастрофа, а я люблю, когда ранним утром несерьезно моросит. Тогда море особенно теплое и спокойное. И вообще, дождь для меня не плохая погода, а состояние души.

– Гела, ты еще не женат? – спрашиваю.

– А кому я нужен такой? – смеется он, поднимается и отправляется по своему маршруту.

Солнце начинает припекать, люди прибывать, а для меня утреннее общение с морем заканчивается.

По вечерам мы обычно гуляем по городу. Толпы людей, магазины, рестораны, кафе, свет, музыка – детям нравится. Вдруг, видим – стоит наш Гела, непривычно чистый, причесанный, выпивший и счастливый.

– А я вас ждал, – радуется он. – Хочу пригласить вас в бар. Посидим, выпьем кофе с коньяком, детей угощу мороженым.

Нашему изумлению нет конца.

– У меня сегодня день рождения..., – объясняет он.

Мне не хотелось, чтобы он тратил на нас с таким трудом заработанные деньги, в которых нуждалась его семья. Но я не могла отказать. Его бы это обидело.

ЛЕТО ПОД МАРШ МЕНДЕЛЬСОНА

Пам-пам-па-рам-пам-пам-пам... – торжественная мелодия знаменитого марша зазвучала во мне сразу же, как я узнала, что Нинка приезжает из Афин вместе с женихом-греком накануне свадьбы, чтобы познакомиться с ним всех родных и близких и показать ему родной город. Нинка – это племянница моего мужа, для меня – родная душа, несмотря на разницу в возрасте – 10 лет. Осмотрев в Тбилиси и за городом многие

достопримечательности, один из вечеров гости решили посвятить свадебным салонам. Мы бродили из одного в другой, мне уже все платья казались одинаковыми, марш звучал все громче и громче, но Нинке ничего не нравилось. «Вам нужно сшить на заказ», – посоветовали в одном из магазинов и дали адрес ателье, принадлежащего двум сестрам, рукодельницам-волшебницам.

– Я сошью вам любое платье, – сказала Сусанна. До отъезда оставалось два дня. Мы недоверчиво переглянулись и... согласились!

И тут все закружилось: выбор тканей, ниток, корсета, юбок, бусинок, бисера, примерки... Нинка в волнении металась на верхнем этаже, а мы с Дмитрием устало плюхнулись в кресла на нижнем. «Чтобы ты не скучал, я расскажу тебе историю своего свадебного платья», – сказала я и начала:

– У нас с мужем, когда мы еще не были женаты, а я училась в университете, был друг – араб...

– Это связано с твоим свадебным платьем? – изумился Дмитрий.

– Даже очень, – ответила я. Мысли унесли меня в далекие, смутные и страшные 90-е, когда наш роман развивался не под марш Мендельсона, а под строчащие выстрелы на улицах. Не было света, газа, транспорта, продуктов, а весь кошмар того времени запечатлелся в памя-

ти одним черно-белым кадром: мама, с трудом выбравшаяся из хлебной очереди с куском хлеба и без пуговиц на пальто... Мы были очень молоды и легко переживали все трудности, тяготы и беды, до конца не осознавая всего происшедшего вокруг. Даже была какая-то романтика в дружном поедании с соседями хлебных котлет и батончика «Сникерс», добытого и поделенного с друзьями на несколько равных частей, в ожидании света и бурного веселья от загоревшихся лампочек и даже в холодных аудиториях университета. Да-да, было много смеха и песен! Пока родные, друзья и соседи не начали массово уезжать...

Так вот, у нас был друг – франкоязычный алжирец, учившийся в университете, женатый на русской девушке и живший в Багеби в студгородке. Однажды мы узнали страшную новость: на студентов-иностранцев напали мхедрионовцы, ограбили, избили и поиздевались, не пощадив даже моего однокурсника – инвалида в коляске, из Йемена. Его избили и бросили в ванну с холодной водой...

Наш друг, Хасан, услышав в коридоре стрельбу, перепугался, вышел на балкон 4-го этажа и решил бежать, спустившись по водосточной трубе. Но труба оказалась гнилой, он сорвался и разбился, можно сказать, вдребезги: несколько тяжелых переломов ног, руки и ребер. От ужаса он полз в таком состоянии до дороги, где его подобрали и доставили в травматологическую больницу на ул.Чхеидзе. Так как его жены и ребенка не было в городе, он дал врачам наши телефоны... Я до сих пор слышу его крики, вижу его изменившееся от боли и ужаса лицо. Мы ухаживали за ним, как за ребенком, по очереди дежурили, оставались допоздна, я бегала домой за завтраком, обедом и ужином, носилась с банками и кастрюлями, не замечая летящих над головой пуль, которые залетали даже в палату. Мы заложили окна матрасами и часто выходили ночью из больницы на корточках... Хасан перенес две операции, лежал худой и несчастный, с гирями на ногах, и ждал приезда жены из Улья-

новска...

Несколько раз приезжал из Москвы алжирский посол, хотел увезти его, но это было невозможно, и он пролежал 3 месяца, пока не смог садиться в инвалидную коляску. Так мы и отравили его в Москву. Уезжая, он не знал, как благодарить нас и сказал, что к свадьбе пришлет мне лучшее свадебное платье из салона своего брата в Париже. Я засмеялась и ответила, что вообще не люблю платья, да и какая свадьба в такое смутное время! Мы перезванивались и когда был назначен день, конечно же пригласили Хасана. Он не смог приехать, т.к. перенес еще одну операцию, но про обещание не забыл: накануне свадьбы нам позвонили из аэропорта и попросили забрать подарки. Все ахнули, когда домой втащили красивые круглые коробки с платьем и украшениями! Я действительно не собиралась надевать свадебный наряд, но от такой красоты невозможно было отказаться! Платье примерялось и подгонялось под светом керосиновых ламп, а гладилось у подруги в другом районе города, так как света мы не дождались. Самым радостным аккордом в этой истории был снег в день свадьбы – 3-го апреля!

Платье до сих пор хранится в моем гардеробе, иногда его примеряет моя дочь и кружится перед зеркалом, и каждый раз к горлу подкатывает ком от пережитых событий...

Дмитрий изумленно слушал, восклицал, качал головой, и мы

не заметили, как нарядная Нинка появилась на антресоли, сияя от счастья! Платье получилось фантастически красивым, воздушным, открытым, изумительной ручной работы, а главное, сшитым за два дня и одну ночь!

...Самолет вылетал в 6 утра, мы проболтали всю ночь, оставив красиво упакованное платье в машине и постоянно выглядывая с балкона... Прощаясь, Дмитрий растрогался и не смог сдержать слез: «Спасибо за все, я нашел здесь вторую семью».

Чудесное платье, нежное и счастливое, улетело в Афины, а мое, с горчинкой страшных 90-х, так и висит в гардеробе, как символ юности, любви, памяти и жизни, которая продолжается, несмотря ни на какие политические события, эпохи, системы и декорации за окном.

ЛЕ ХАИМ – ЗА ЖИЗНЬ

Это ж надо столько не видеться и так соскучиться, чтобы по интернету отмечать день рождения, как это сделали мы с Нонкой Рабинович, моей верной подругой юности, однокурсницей, единомышленницей и свидетельницей на свадьбе. А не виделись мы ни много ни мало – с 1994 года, с тех пор, как ее замечательная семья, спасаясь от войны и тяжелых условий жизни, решила эмигрировать в Израиль, оставив в моем сердце бесконечную тоску и боль, от которой я долгое

время просыпалась по ночам и ощущала физически... Мы обменялись новостями, больше грустными, чем веселыми, многое вспомнилось, даже всплакнулось, но разве Нонка даст погрустить? Ведь она уверена, что завтра будет лучше, чем сегодня! Даже если ей признаться в чем-то ужасном, она ответит: «Ничего, лишь бы тебе хорошо было!» Вот и сейчас говорит: «Ну, хватит грустить! И это пройдет! Давай, Идмончик (она называет меня только так), ле хаим – за жизнь!»

Чтоб вы представили Нонку, я расскажу один эпизод. Будучи студенткой 5 курса, мне посчастливилось отправиться в путешествие в Юго-Восточную Азию. Вернувшись, я, естественно, нашла у себя Нонку, как всегда радостную и сгорающую от любопытства. Как сейчас помню: яркая красавица с копной золотистых волос, гладкой кожей нежно-пшеничного цвета, небесно-голубыми открытыми глазами и обязательной алой помадой. Это ей очень шло, а на мне смотрелось бы просто нелепо! После бурной радости, она вдруг села, положила ногу на ногу и серьезно и мечтательно спросила: «Идмона, ну как, фламинго видела?»

Бабушка Нонки была одесситка, колоритнейшая фигура, словно сошедшая со страниц Шолом-Алейхема. Она могла сказать: «Будьте мне здоро-

вы» или «Я это возьму на посмотреть» и все время на идиш отчитывала спокойного, бессловесного деда. Тот терпел, терпел, затем, устав, произносил: «Ша!» и бабушка замолкала. Вот такое было магическое слово.

Стоило мне переступить порог их уютного дома, как мама Нонки, тетя Дора, кричала: «Скорее, на кухню, ты вся зеленая от голода!» И никакие отговорки и уверения, что это не так, не действовали – за секунду все сидели за столом и дружно обедали. Оттого, что это были открытые, добродушные и хлебосольные люди, у них все было вкусно и елось с удовольствием, даже хлебные котлеты в то тяжелое, голодное время без света, газа, под пулями. Мы были очень молоды, учились, радовались жизни, пусть тяжелой, ходили друг к другу в гости с ночевкой, шушукались полночи, делились сокровенным и отмечали все праздники. Никто бы не усидел, когда мы с Нонкой плясали «семь-сорок»! Мы даже курили первый раз вместе, и нас застучал дядя Боря, Нонкин отец. Боже мой, как работал тогда вентилятор! Но запах не уходил, а только распространялся по всему дому. Дядя Боря понюхал, сказал, что странно пахнет и сделал вид, что ничего не понял.

В этой семье торжественно отмечались все события, дни

рождения, Нонкина свадьба, рождение сына и даже развод. С ней все, даже самое серьезное, скоро превращалось в анекдот. Я могу понять, почему про Рабиновича придумано столько анекдотов!

В день моей свадьбы, 3-го апреля, огромными хлопьями повалил снег. С утра пораньше зазвонил телефон и раздался Нонкин хохот.

– Не смей ничего говорить, – я была в плохом настроении, так как мое платье совершенно открытое.

– Идмончик, сразу видно, что сегодня твоя свадьба!

– Да, а ты – свидетельница!

Я никогда не чувствовала себя чужой ни в этой семье, ни в других еврейских семьях. Наоборот, все казалось родным: и праздники, и музыка, и юмор, и еда. Может быть, потому, что бабушка несла в себе и передала мне любовь и уважение к этому удивительному народу, с которым ей довелось столкнуться смолоду и дружить всю жизнь. А может быть, я, как и мои предки, просто тбилисский человек. Ведь это такая фантастическая национальность, реальная, но не официальная, включающая в себя множество различных языков, культур, обычаев, традиций!

Еще до войны бабушка с моим дедом-офицером жила в Западной Украине в еврейском городке Любачеве. Их поселили в семье, с которой они делили все радости и горести. Ведь оказаться в 19 лет вдаль от дома, родни, да еще с грудным ребенком было очень непросто. Но большая, дружная еврейская семья не давала ей почувствовать одиночество. Сколько добрых воспоминаний хранила бабушка об этих людях, заменивших ей родных, помогавших растить ребенка, моего отца. Но весь покой и радость унесла война. Бабушку эвакуировали, деда забрали на фронт, а городок сожгли вместе с жителями, которым не удалось бежать... Воспоминаний много, тяжелых и печальных, смешных и радостных, связанных и со случайными знакомыми, и с друзьями.

...В послевоенные годы бабушка попала в Одессу. Было жарко, хотелось пить. Она подо-

шла к продавщице газированной воды на улице и протянула деньги. Та оглядела бабушку с головы до ног, залюбовалась красивой, ухоженной женщиной и подмигнув, спросила:

– Вы наша?

– Нет, – ответила бабушка.

– Как жаль... – с сожалением покачала головой продавщица. – Вам с сиропом да или с сиропом нет?

Самые большие друзья бабушки, а затем и всей нашей семьи – москвичи Гузмань-Пятигорские. Они любили приезжать в Грузию, обожали Тбилиси и наш Дезертирский базар. А для меня было счастьем ездить к ним в гости. Я буду помнить всю жизнь тепло их дома, радость встреч, знаменитую фаршированную рыбу тети Сони и любимую музыку дяди Бори. И как он говорил: «Сейчас я вам такую музыкачку заведу!» И звучали чудесные еврейские мелодии, оставшиеся в моей душе. По вечерам, когда мы возвращались с прогулок по Москве, а Боря и Соня с работы, наболтавшись за обильным ужином, Сонечка усаживалась в любимое кресло, звонила одной из многочисленных подруг и с аппетитом, смакуя, передавала все подробности прожитого дня. А заодно искала мне жениха! Я была школьницей, но она считала, что уже пора начать поиски. Однажды в гости пришла полная дама с тощим, кудрявым, прыщавым мальчиком. Сонечка весь вечер мне подмигивала, а когда они ушли, тут же спросила:

– Ну, как тебе Илюша?

Я так смеялась:

– Но он же младше меня!

– Ничего, – серьезно ответила Сонечка, – лишь бы счастье было!

А у Нонкиной бабушки-одесситки Саррочки, которая никогда не стала бы молчать и говорила все, что думала, была подруга Берта – тихая, спокойная, интеллигентная женщина. Она никогда не повышала голоса и начинала говорить со слов «прошу прощения...» или «позвольте...». Она жила с неженатым сыном Яшей, погруженным в научную работу. В 90-е годы, когда в Тбилиси было страшное положение, Яша остался без

работы и решил подрабатывать на своей машине таксистом. Однажды остановил женщину и, смущаясь, назвал ей сумму – 3 рубля, что было очень мало, и аккуратно, не нарушая правил вождения, подвез ее по указанному адресу. Она заплатила 5 рублей, вышла и стала ждать сдачу. И тут этот интеллигентнейший человек захлопнул дверь и уехал, уверяя себя, что проезд столько и стоил, он просто ошибся. Прошло несколько лет, он уже жил в Америке и как-то сидел с друзьями в ресторане. Вдруг из-за соседнего столика к нему направилась женщина со словами: «Я даже помню, какого цвета свитер на вас был в тот вечер, когда вы меня обдурили!» Но это еще не все. Вскоре после этого они начали встречаться и поженились! А недавно гостили у Нонки в Израиле!

...Мы вспоминали все это в сотый или тысячный раз и все равно грустили и хохотали! Самым смешным было то, что день рождения был не мой и не Нонкин, а ее сестры – Мери, которая давно махнула на нас рукой и пошла спать. А последним аккордом в нашем странном застолье с экскурсией в прошлое стал Нонкин рассказ о ее походе на работу в разных туфлях. Годы летят, а люди не меняются! Нонка Рабинович шла на работу в разной обуви, радуясь хорошей погоде и удивлялась, почему она вдруг охромела. Поняв, в

Кадр из фильма «Георгий Саакадзе»

чем дело, поспешила домой и вернулась, когда нужный автобус уже отъезжал. Она бежала и кричала, чтобы ей остановили. Люди в автобусе тоже стали кричать водителю. Наконец, она уселась и вскоре поняла, что это был не ее автобус!

Мы нахохотались и, пожелав друг другу всего хорошего, попрощались. Стало грустно. Но так уж заведено, что радость и грусть ходят рука об руку по жизни, как подруги не разлей вода. И лишь дружба и любовь не знают ни границ, ни возраста, поэтому и несется через время и расстояния:

«Ле хаим – за жизнь!»

КАК ПОЖИВАЕТЕ, КАЛБАТОНО КАТЮША?

Помните, как совсем недавно походы в кино были неотъемлемой частью нашей жизни? Старые, не подозревающие о стильном евроремонте кинотеатры еле вмещали людей, простоявших в огромной очереди за билетом на очередной новый фильм. Я с ностальгией вспомнила об этом однажды во время зимних каникул, когда сынишка потащил меня в кино на детский сеанс. Людей было мало, никакой очереди, полупустой зал, вокруг – идеальная чистота, блеск и красота, popcorn и cola, как обязательные

«Мелодии Верийского квартала»

атрибуты просмотра. Все чин-чином. Зажегся экран, пошли рекламы, из которых мы узнали, что проголодавшись, можно и сникерснуть, и начался фильм. Сандрик смотрел, разинув рот, а меня так расстроил постаревший любимый актер Дастин Хоффман (потом так же было и с Мягковым), что стало тоскливо, и мысли унесли в детство, когда я бегала в кино и несколько раз смотрела фильмы с его участием, обклеивала комнату плакатами с его изображением, а папа сокрушался, как мне мог понравиться такой некрасивый мужчина! Вспомнились соседи, с которыми мы дружно ходили в кино, школьные друзья, однокурсники, особенно филиппинец Джун, полиглот, владевший семью языками и с легкостью выучивший грузинский. Он очень любил ходить в кино, читал на грузинском «саларо», спрашивал у людей в очереди «ромели саатиа?», почему-то восклицал «Да здравствует Великий Октябрь!» и изумлялся, «почему нигде нет куричных магазинов». И мы ездили за курами на Дезертирку. В кино ходили отдохнуть, посмеяться, поплакать, на свидания, здесь встречались, расставались, делались предложения руки и сердца... Наши люди любили кино, ждали новых афиш, ведь тогда не существовало домашних кинотеатров, компьютеров, да и пойти в кино было доступным удовольствием...

Фильм на экране продол-

«Голубые горы»

жался, чудаковатый герой Хоффмана ловко руководил работой волшебного магазина игрушек, а мысли несли меня в другом направлении – на старую киностудию, где полвека проработала монтажником моя бабушка, Катерина Саакова, и я много времени проводила на этой киношной «кухне», а потом и на новой киностудии в Дигومي, где любила покормить мишутку, лебедей, лошадей, посидеть на знаменитом кувшине («Квеври»). Правда, вспоминается всегда старая – там было как-то уютнее, хоть и теснее и темнее... Именно поэтому фильм на экране – для меня не только конечный результат съемки, но и черная работа, запах пленки, клея, ацетона, огромный труд, тяжелый и вредный для здоровья. Мне знакома, понятна и близка эта работа, и я вижу «скелет» каждого кинофильма

того нецифрового времени.

Бабушка пришла устраиваться на работу четырнадцатилетней девчонкой в 1933 году, когда после смерти отца нужно было поддержать семью – вот и пришлось совмещать работу с учебой в школе. Тогда это был ГОСКИНПРОМ, директор – друг отца, Вардан Дарчиев написал в трудовой книжке «без предъявления документа» и привел в монтажный цех, где главным монтажником была Женя Махарашили, работавшая с 1931 года до пенсии, и я хорошо ее помню. Она и обучила бабушку всем тонкостям работы. Там же работали и помогали бабушке Флора Сафарян, Анаида Степа-

нян, Антонина (Тося) Шкатулова, Нина Абрамишвили, позже – Эмма Давтян, Маквала Джашишвили. Я помню их всех, замечательных женщин, больших тружениц, через чьи руки прошли лучшие фильмы грузинского кинематографа, история которого началась еще в 1912 году. Тогда снимались лишь кинохроника и массовые сцены операторами-любителями, как «Путешествие Акакия Церетели» и др. В 15-20 годах частным предпринимателем, кинопрокатчиком и владельцем кинотеатра – бельгийцем Пироне была сделана попытка организовать в Тбилиси производство игровых фильмов, в работе над которыми приобрели некоторые навыки начинающий режиссер В. Барский и молодой оператор-хроникер А. Дигмелов, которого уже знала бабушка. В 1921 году при Народном комиссариате

просвещения ГССР создает киносекция, вокруг которой собирается небольшая группа кинематографистов и которую возглавляет Амо Бек-Назаров (Амбарцум Бекназарян), и его также хорошо знала моя бабушка. А. Бек-Назаров, режиссер И. Перестиани, режиссер А. Цуцунава, режиссер и актер В. Барский, оператор А. Дигмелов явились зачинателями грузинской кинематографии. Уже в 1921 году киносекция выпускает свою первую художественную картину «Арсен Джорджиашвили» по сценарию Ш. Дадиани, в постановке И. Перестиани. Это был один из первых по времени художественно-игровых фильмов СССР вообще. В следующем 1922 году выходят «Сурамская крепость» по повести Д. Чонкадзе в постановке И. Перестиани и «Изгнанник» по сценарию Ш. Дадиани в постановке В. Барского. В 1923 году А. Бек-Назаров ставит два фильма на материале прошлого Грузии – «Разбойник Арсен» и «У позорного столба» по мотивам романа А. Казбеги «Отцеубийца», где дебютировала юная Нато Вачнадзе. Так зажглась ее звезда. В том же году выпущены картины «Человек человеку волк» по сценарию и в постановке И. Перестиани и знаменитые «Красные дьяволята» также в постановке И. Перестиани. Этот фильм принес Госкинпрому Грузии славу самой передовой киноорганизации тех лет и большой доход, что позволило дальнейшее расширение кинопроизводства. Всего за годы немого кино Госкинпром Грузии выпустил свыше 70 художественных кинокартин. В постановочной работе Госкинпрома приняли активное участие также К. Марджанишвили, Н. Шенгелая, Г. Макаров, Л. Пуш, М. Геловани, Л. Эсакия, Д. Рондели...

В 1933 году, к приходу в Госкинпром моей бабушки, здесь вовсю кипела деятельность, грузинский кинематограф набрал высоту и приобрел известность.

Монтаж в кино – главный этап в создании кинофильмов, следующий после съемок. Отснятые фрагменты отбирались, склеивались в единое целое, за-

писывались фонограммы, нельзя было потерять ни один кадр, так как терялась синхронность съемки и звука. Я помню бегущие на двух бобинах пленки, кончики которых смазывались специальной эмульсией и ставились под пресс. На пленке были написаны футажы, т.е. цифры на негативе над кадром. По этим футажам и отбирали негатив и по одобрению режиссера делали монтаж. После склейки пленку отдавали печатать. Каждый план (кусочек фильма) имел свое освещение, создаваемое установщиком света. После всего этого копировщица печатала негатив на позитив (негатив проявлялся и получался позитив). Проявка – это последняя стадия в создании фильма. Однажды отпечатанный материал привел всех в ужас: собаки в фильме говорили, а люди гавкали! Бабушка проработала всю ночь, чтобы исправить ошибку сотрудницы. Работать по ночам приходилось часто. Ей, как опытному монтажержу, доверялась самая тяжелая работа, срочная или очень важная. Она делала все с удовольствием, никогда не жаловалась (она вообще не умела жаловаться) Ей отвечали признательностью, любовью, называли ее руки «золотыми». Однажды ей стало плохо, мы вызвали «скорую». Она протянула руку для укола и сказала: «Доктор, вы знаете, эту руку цело-

Здание Госкинпрома

вали наши лучшие режиссеры». Врач растрогался и ответил: «У вас все будет хорошо». Мне же стало очень больно: ведь после болезни и ухода на пенсию в 1988 году ее никто ни разу не вспомнил, не позвонил, чтобы задать простой человеческий вопрос: «Как поживаете, калба-тоно Катюша?» Звонили поначалу, предлагали присылать машину, лишь бы она работала, но бабушке было тяжело, да и вырастила она достойную смену, молодых монтажеров, тоже ни разу не вспомнивших о своем добром, сильном, жизнерадостном педагоге. Потом перестали звонить и, как это часто бывает, просто забыли. Ее вспоминала лишь дочь Жени Махарашвили, первой учительницы бабушки, Нелли. Доброй тети Жени давно уже нет в живых, так же, как и тети Тоси, тети Эммы...

Бабушка до мельчайших подробностей помнила все и всех, горячо любила грузинское кино, не забывала ни одного имени и фамилии актеров, режиссеров, бережно хранила в памяти все интересные поездки и встречи с Сергеем Параджановым, Нодаром Думбадзе, Фрунзиком Мкртчяном, Софико Чиаурели, Лейлой Абашидзе, Резо Чхеидзе, династией Шенгелая, Гено Цулая, Нелли Неновой... Всех и не перечислишь! У Неновой была группа для детей – юных кинолюбителей – при

Доме кино, куда я с удовольствием ходила многие годы, занималась, принимала участие в детских кинофестивалях. Я счастлива, что часами проводила время в фотостудии маленького ростом талантливейшего фотографа Гриши Овнесяна. Без него не обходилась ни одна кинопроба. Все мои детские и юношеские фотоальбомы – это его работы, живые, смешные, неожиданные...

Именно бабушка передала мне любовь к грузинским фильмам, да и к кино вообще, и я горжусь, что через ее руки прошли такие шедевры, как «Мелодии Верийского квартала», «Георгий Саакадзе», «Имеретинские эскизы», «Лурджа Магданы», «Жил певчий дрозд», «Старые зурначи», «Жених без диплома», «Кувшин», «Чужие дети», «Я, бабушка, Илико и Илларион», «Кукарача», «Голубые горы», «Чиора» и многие, многие другие.

...В кинозале зажегся свет и вернул меня к действительности. Вокруг был разбросан рор-соп и пустые стаканчики от напитков, но на душе было как-то светло, высоко и очень тепло, отчего и снежный, холодный зимний день казался теплым. И так захотелось, чтобы люди не проходили равнодушно мимо афиш с новыми фильмами, билеты были доступны всем и вернулось в наши жизни удовольствие – пойти в кино, а не усесться у телевизора или компьютера, встретиться с друзьями, с любимыми, прожить жизнь с актерами в большом кинозале, а может, просто откровенно посидеть, отдохнуть и уйти в воспоминания.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Маленькое, но очень мажорное сообщение о том, что начался сезон охоты на птиц оживило во мне один эпизод, благодаря которому в моей жизни появились птицы. Ведь чаще всего мы знаем, что они есть, но не замечаем их, не вникаем в радости и тяготы их крылатой жизни... Давным-давно, в студенческие годы, я познакомилась с ла-

сточками, которые облюбовали мое окно на кухне для создания гнезда. Каждый день, завтракая и собираясь на лекции, я с интересом наблюдала, как две взрослые ласточки готовили уголок для строительства, что-то клевали, расчищали, разглаживали лапками и крыльями. Затем стали носить в клювах глину, камешки и строить ряд за рядом, словно из бусинок, свой пузатый домик. Это продолжалось долгое время и, видимо, было нелегко, но ласточки трудолюбиво, упорно и с каким-то вдохновением улетали и прилетали с утра до вечера, изо дня в день. Вскоре гнездо было готово и казалось мне архитектурным шедевром – такое совершенное, ровное, с правильным круглым отверстием-входом и из глины же сделанными тонкими креплениями, словно тросы отходившими от гнезда к окну и к стене. Моему восхищению и удивлению не было предела, настолько это было умно и красиво. Затем ласточки стали приносить траву, листья, какие-то прутики для «интерьера» и обживать свой домик. Я любовалась этими совершенными, удивительно красивыми существами, их отношениями, проявлениями чувств. Это была настоящая, дружная и счастливая семья, и я уже стала различать

самца и самку по поведению: он чаще улетал, приносил еду и очень о ней заботился. Вскоре самка перестала вылетать из гнезда, и я поняла, что они ждут малышей-птенцов. Самец постоянно улетал и прилетал с едой, кормил самку и гордо сидел у входа в гнездо, что-то «говорил» ей и был счастлив. Все это было потрясающе! Они словно стали членами нашей семьи, частью моей жизни, и я была счастлива вместе с ними... Счастье разбилось вместе с гнездом, когда моей маме вздумалось мыть окно и она его распахнула... Я пришла с лекций, а дома траур: бабушка с сестрой плачут, папа отчитывает маму, а на маму жалко смотреть. Не могу передать словами свою боль за несчастных птиц. Я тогда впервые поняла, какие все звери беззащитные и какое у них хрупкое счастье. От отчаянья бросилась звонить моему мужу, тогда еще другу, и так горько плакала, что он приехал. В руке у него что-то шевелилось. Это был найденный им птенец, выпавший из нашего гнезда. Их было двое, второго до смерти замучили дворовые дети. Я взяла этот крошечный комочек в руки, и на душе стало тепло. Ласточки с диким криком метались у окна, видимо, искали птенцов. Мы соорудили

маленький домик из коробки и прикрепили его к подоконнику, посадили туда птенца, которого тоже привязали веревочкой за лапку, чтобы не выпал, и стали ждать, когда его обнаружат родители. И они нашли своего малыша! Нужно было видеть их, чтобы понять, как птицы умеют радоваться! Они не оставляли птенца ни на минуту, по очереди улета и прилетая, все время что-то вкладывали ему в клювик, даже воду так носили. Нас они боялись, но уже узнавали, и мы старались их не тревожить, только проверяли веревочки. Вскоре птенец подрос, стал выпрыгивать из коробки на подоконник и махать крылышками. Однажды на рассвете меня разбудили крики ласточек. Я подбежала к окну и удивилась: целая стая кружилась у нашего окна, все страшно галдели, особенно две птицы. Они смотрели на меня, словно что-то хотели сказать. Это были наши ласточки. И тут я увидела, что птенец висит на веревке головой вниз и отчаянно машет крыльями и поняла, что пришло время его отпустить. Я отрезала веревочку, и он полетел! Ласточки-родители устроились справа и слева, поддерживая его. Моей радости и одновременно грусти не было конца. Птицы слились со стаей, но все время их пребывания в городе стоило мне выйти на балкон или выглянуть в окно, они очень близко подлетали, на-

чинали кружиться над головой и что-то кричали, словно благодарили... Можно любить животных, не любить, любить только своих – я встречаю разных людей, и это другая тема, но не обижайте их. Не выбрасывайте новорожденных котят на дорогу умирать, ведь смерть – она для всех одинаково мучительна, не вызывайте отлов для безобидных собак, ведь им ничего от нас не нужно, только чуточку тепла и внимания. Эти удивительные существа живут, чтобы делать нас лучше, потому что нам далеко до их искренности и преданности, чистой и бездумной. Не проезжайте мимо сбитых машинами зверей, может, их можно спасти. И пожалуйста, не стреляйте в птиц! Спросите себя, хотят ли они умирать, когда парят высоко над нами, распластавшись на небе? Может, у них где-то гнездо с птенцами или они просто счастливы в своем полете навстречу солнцу.

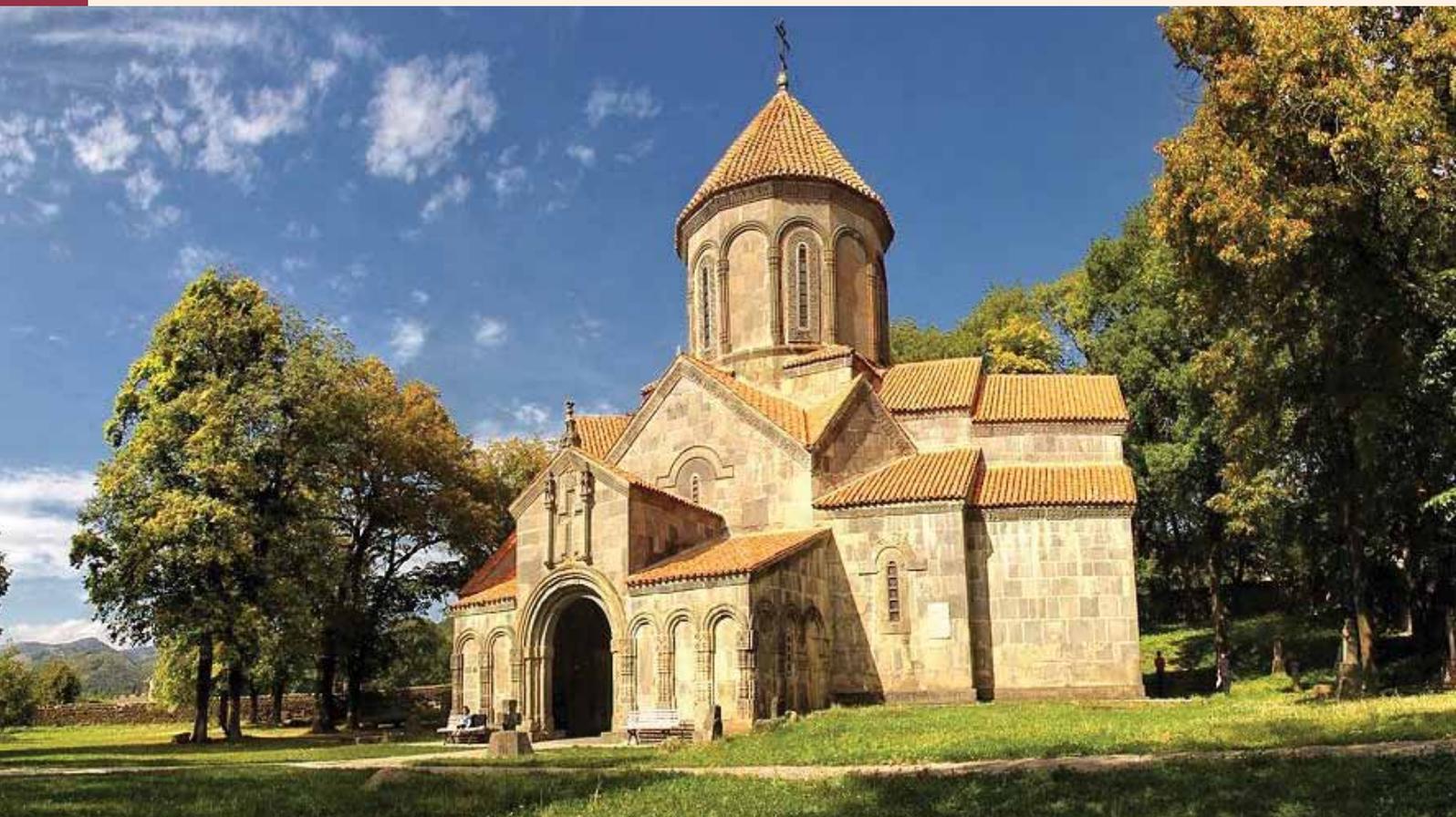
О СЧАСТЬЕ

Мне понравился летний отдых в Манглиси – провинциальном городке в часе езды от Тбилиси. На первый взгляд, типичное для Грузии живописное местечко с сочетанием обычной нищей деревни с современными дачами. Но окраина, где мы с семьей останавливаемся, со своими русскими избами,

раскинутым полем, шумной речкой, туманными горами и старинной церковью – действует на меня магически. В воздухе разлиты благодать, покой, тишина, умиротворение. Приезжаю издерганная от жизни в центре города, впадаю в отрешенность и время начинает течь по-другому.

Будучи «жаворонком», всегда просыпаюсь раньше солнца и даже не смотрю на часы. Просто встаю, пью свой ритуальный кофе – и на улицу со счастливым Вилли. А в Манглиси – в поле. Пес несется, радуется простору и новым ароматам, а я наслаждаюсь свежестью раннего утра, тишиной, ярко-зеленым полем с островками алых маков, нежных одуванчиков, легкомысленных ромашек, золотистого зверобоя, скромной душицы и самых разных безымянных цветов. Вот пчелы счастливы! Жужжат, занимаются своим сладким делом. Горы просыпаются с первым лучом солнца, и туман тает прямо на глазах. Шум бойкой реки Алгети, ветра в ушах и жужжание пчел уносят далеко от земных проблем, дают ощущение беспричинной радости, счастья бытия, и я иду навстречу солнцу до конца поля. Обратный путь легче, ветер подталкивает, торопит домой, где еще спят дети. Сижу во дворе под огромным ореховым деревом и слушаю колокольный звон проснувшейся церкви.

Собор Успения Пресвятой Богородицы. Манглиси

Если случается дождь, все ароматы усиливаются, а туман с поля застилает весь двор, мы с Вилли идем уже в другую сторону, по деревенским улочкам, здороваясь и болтая с соседями. Во дворах пахнет вьющимися на заборах разноцветными розами, землей, влажным туманом и чаем с мятой...

По воскресеньям на деревенском базаре ярмарка. Жители Манглиси и соседних деревенек везут на продажу продукты своего труда. Это овощи и фрукты из собственных садов-огородов, домашнее масло, творог, сметана, молоко, сыр, яйца и несчастная живность. Те крестьяне, что побогаче, везут все это на собственных машинах, а бедняки – на скрипучих повозках с тощими лошадьми. С шести утра начинается парад этих машин и повозок с бидонами, котомками, корзинами и загорелыми людьми, сидящими на повозках, свесив ноги. Для них это единственный способ заработать немного денег и окупить недельный труд.

Некоторые едут верхом, просто обвесив лошадей грубыми мешками с товаром. Часто это женщины, бойкие, громкие, с

обветренными лицами и руками, не знающими маникюра. Они останавливаются у домов с дачниками и продают все по дороге, не доезжая до базара.

Мне нравится бывать на ярмарках, наблюдать, общаться и что-нибудь покупать. Особенно люблю большие пучки самой разной ароматной зелени. Вроде в городе все то же самое и в изобилии, но продукты безжизненней, что ли. Здесь же все пропитано какой-то особой энергией.

Крестьяне суетятся, нервничают, бережно собирают деньги в узелки. Некоторые даже не умеют толком считать и кажутся беззащитными и трогательными. Особенно старики. Часам к трем все уже расходятся. Те же машины, лошади, повозки, усталые, но довольные крестьяне. Некоторые останавливаются у магазинов и запасаются мукой, сахаром, макаронами, сладостями – тем, чего нет высоко в горах.

Однажды выхожу из магазина и вижу: к забору привязана худенькая темно-рыжая лошадь с черной гривой и пустой повозкой. Возле нее на лавочке сидят

пожилые мужчина и женщина, видно, муж и жена, уставшие, взмокшие и безмятежно едят мороженое. То, как они это делали, заставило меня остановиться. Они сидели, прислонившись к забору, чуть откинув головы. У женщины сполз платок, но она не реагировала. Казалось, что в это мгновение для них больше ничего не существовало, кроме этого холодного, сладкого, тающего во рту лакомства. Тут раздались громкие сигналы и по дороге к церкви проплыл свадебный кортеж – белоснежный лимузин и целый «хвост» черных «мерседесов». Церковные колокола оповестили мир о венчании еще одной пары. На мгновение всех идущих или стоящих на дороге словно обдало чужим счастьем. Но крестьянской паре на лавочке было не интересно. Они ничего не видели, не слышали и продолжали сидеть бок о бок, закрыв глаза и облокотившись на чей-то захудалый забор. В этот момент для них весь мир сосредоточился на мороженом в хрустящих вафельных стаканчиках. Они были счастливы.

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი

ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული

შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი

აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის

გოტვევს

ყველაზე დაბალ ფასად

300

ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები საზღვარგარეთ
- სამომავლო დაზღვევა
- ფოტო

Тбилисский ботанический сад как научное учреждение основан в 1845 году. За несколько веков до этого здесь располагались царские сады. Площадь сада 128 га., в коллекции около 3500 видов и сортов растений со всех концов земного шара.

Фото Александр сватилов